

АНДРЕЙ
БОНДАРЕНКО

КНИЖНИК
СЛАДКАЯ МЕСТЬ

Неформатные книги

Андрей Бондаренко

Книжник. Сладкая месть

«Автор»

2011

Бондаренко А.

Книжник. Сладкая месть / А. Бондаренко — «Автор»,
2011 — (Неформатные книги)

Происходит что-то страшное. На протяжении трех месяцев бесследно исчезают главные и ведущие редакторы крупных издательств, специализирующихся на выпуске фантастической и приключенческой литературы. Санкт-Петербург, Москва, Нижний Новгород, Киев, Берлин, Гамбург, Тель-Авив. Сегодня пришла информация, что похищение известного книжного магната зафиксировано и в Нью-Йорке... Что происходит, господа и дамы? Куда катится наш безумный, призрачный и странный Мир?

© Бондаренко А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

От Автора	5
Пролог	6
Глава первая	10
Первый параграф. Изумрудная девушка	11
Второй параграф. Следователь Сомов	16
Третий параграф. Два капитана	19
Четвёртый параграф. Ретроспектива 01. Гаврилов и Конкин	22
Пятый параграф. Ретроспектива 02. Борман	27
Шестой параграф. Ретроспектива 03. Глухие кайманы	34
Глава вторая	39
Первый параграф. Немецкий знакомец	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Бондаренко
Книжник. Сладкая месть
*Маленький роман, написанный ровно за
один месяц, включая авторскую вычитку*

От Автора

Мсть. Заслуженная – на сто двадцать процентов из ста. Право на которую никем, собственно, и не оспаривается. Мсть...

Как сделать так, чтобы она была – сладкой?

То есть, полноценной и всеобъемлющей? Удовлетворяющей и – в конечном итоге – прощающей? Пусть, и с лёгким налётом специфичного юмора?

Сложный и коварный вопрос. Очень – сложный и коварный.

Главное – не спугнуть...

Кого, пардон, не спугнуть?

В первую очередь, себя. Свои мысли, чувства, желания. Собственную память, в конце-то концов. Собственное чувство меры...

Настоящая мсть, она – почти – без крови. Она строится сугубо на ощущениях.

Сладкая мсть, как правило, плетётся долго. Из отдельных цветастых нитей. Ну, как туркменский ковёр ручной работы. Плетётся и плетётся. Медленно, верно и неотвратно.

Психологическое ассорти. Не более того.

Но профильно, выборочно, и сугубо по делу. В том плане, чтобы истинный и главный козёл – непременно – сошёл бы с ума. Или же – многочисленные второстепенные козлы? Впрочем, не важно. Ерунда. Пусть они все сойдут...

Как бы так. И в этом – истинная сладость.

То бишь, по делам реальным – каждому.

По обещаниям – сладким – невыполненным.

И тогда мсть будет сладка...

Автор

Отрывок из газетной статьи

Происходит что-то страшное. На протяжении последних трёх месяцев бесследно исчезают главные и ведущие редакторы крупных издательств, специализирующихся на выпуске фантастической и приключенческой литературы. Санкт-Петербург, Москва, Нижний Новгород, Киев, Берлин, Гамбург, Тель-Авив.

Сегодня пришла информация, что похищение известного книжного магната зафиксировано и в Нью-Йорке...

Что происходит, господа и дамы? Куда катится наш безумный, призрачный и странный Мир?

Все аналогии – относительно описанных событий и действующих лиц, возникающие в головах у читателей, являются приватным делом означенных читателей. За случайные совпадения с реалиями, имевшими место быть, Автор ответственности не несёт...

Пролог

Розовые сопли

Совершенно неожиданно начался сильнейший и острый зуд. Вернее, самая натуральная чесотка – противная, коварная и мерзкая. Чесалось всё – грудь, плечи, спина. Сильнее всего – пальцы рук и ног.

Первое время Серый лишь слегка почёсывался, боясь разбудить соседа по гостиничному двухместному номеру. Но, как известно, аппетит приходит во время еды, а чем больше – с крепкого похмелья – пьёшь пива, тем сильнее тебя одолевает неистребимая жажда. Так и здесь – с каждой минутой Сергей чесался всё отчаянней, настырней, яростней и громче...

Наконец, его сосед Иван Кузьмич Паршиков, спящий на узенькой койке у противоположной стены, проснулся и, демонстративно поворочавшись три-четыре минуты с боку на бок, недовольно заявил:

– Ты, Сергей Сергеевич, это.... Прекращай немедленно! Так тебя и растак! Мне утром вставать в шесть часов, поеду в Пашинский лесхоз. Так что, совесть поимей, оглоед молодой. Дай выспаться старику...

Серый, вдев ступни ног в старенькие шлёпанцы, поднялся с постели, прошёл в ванную комнату (совмещённый санузел), включил свет и замер около зеркала, поражённый увиденным – вся его грудь, плечи, живот, руки и шея были покрыты мерзкими, ярко-красными прыщиками. Он медленно перевёл взгляд ниже, но и там наблюдалась та же скорбная и безрадостная картина: ноги – до самых ступней – были густо обсыпаны совершенно неаппетитной сыпью.

– Мать его растак! – от души выругался Серый. – Ну, надо же! Не было печали у гусара...

Он, слегка взъерошив волосы на затылке, скорчил собственному отражению в зеркале непонимающую и задумчивую гримасу.

Действительно, происхождение розовых прыщей было трудно и плохо-объяснимым – Серый был мужчиной чистоплотным, да и венерическое происхождение этой дурацкой сыпи полностью отпадало, ибо он уже долгие-долгие годы являлся примерным семьянином. То бишь, любящим и верным мужем.

«Может, это Ирка учудила – с кем-нибудь?», – возникла в голове неприятная и крамольная мысль. – «А, что такого? Жена-то у тебя, братец, женщина симпатичная и сексапильная. Опять же, совсем ещё и нестарая. Ты же, родной, целыми неделями пропадаешь в командировках. Вот, она, ведомая плотской тоской, и сбегала на сторону – с какой-нибудь молоденькой и широкоплечей сволочью. А вместе с ветвистыми рогами тебе ещё и гадость эта, насквозь венерическая, досталась.... Что, такого быть не может? Ну-ну.... Уверен в собственной супруге на все сто процентов? Наивность святая и бесконечная...».

– Кузьмич! – отчаянно взвыл Серый. – Иди скорей сюда!

Иван Кузьмич, пожилой лысый дядечка, возглавлявший в корпорации «Бумажная река» департамент лесозаготовок, заглянул в ванную комнату уже через семь-восемь секунд и, сонно моргая реденькими ресницами, невесело усмехнулся:

– Эх, тебя разрисовало-то, Сергей Сергеич! Красота неопишная. Натюрморт натуральный, выполненный в лучших традициях импрессионизма, модного нынче.... Ничего, это дело поправимое. Сейчас я тебе дам дегтярное мыло, оно и полегчает, – скрылся за дверью, загремел отодвигаемыми стульями, вытаскивая из-под кровати старенький и виды выдавший чемодан.

– Интересно, а имеется ли в этом Богом забытом и занюханном Сёстринске приличный дерматолог? – неуверенно и озабоченно спросил – сам у себя – Серый. – Впрочем, ерунда. В Питер, наплевав на всё, двигаем. Старательно натираемся мылом дегтярным, и – двигаем.... Неужели, действительно, это я так пошло разволновался из-за сокращения? Уволили, мать

их. Обидно. Двенадцать лет – по-честному – корпорации отдал. И, вот, дождался. Сократили, уроды прижимистые, заграничные...

Аэропорт. Ожидание.

Ожидание – чего? Приглашения на посадку? Нет, просто – ожидание. В философском ключе, ясная сибирская зорька...

Милая песня – под гитару:

Январь. Какая странная пора...
Пора?
Пора, мой друг, давно – пора!
Туда, где пенится волна.
Всегда...

Январь. Качает ветер фонари.
Январь.
Прошу – со мной – поговори.
О том, как теплятся огни.
Вдали...

Она?
Она немного влюблена.
В меня? Вполне возможно, что и да.
А может, как это не жаль,
В январь...

Январь.
Какая серая пора.
Вино.
И кругом голова.
Сосульки – с незнакомых крыш...
Ты почему – молчишь?

Любовь?
Она всегда волнует кровь.
Всегда.
Когда приходят холода.
Полезна – очень – как морковь.
Любовь...

Звезда.
Сияет – в дальнем далеке...
Опять.
Иль – это снится мне?
На стенке – толстый календарь.
Январь...

Январь.
Какая грустная пора.
Пора?

Пора, мой друг, давно – пора!
Ключи?
Закроем двери как-нибудь...
И в путь...

Январь.
А за окошком – снег.
Пурга...
Она всегда – права.
Январь.
И мне немного жаль —
Нас всех...

Январь. И мне немного жаль – нас всех...

Январь...
И мне – немного жаль...
Нас – всех...

Январь...

Самолёт, наконец-таки, взлетел, устремляясь к родимому и бесконечно-желанному Питеру.

Серый, тревожно дремля в мягком самолётном кресле, рассуждал про себя: – «Чего я, собственно, волнуюсь? Квартира у меня нынче просто отличная. Дача крепкая и уютная. Две машины-иномарки новенькие. Денег в разных надёжных банках сложено – на чёрный день – тысяч сорок долларов. Ну, и чего это я так, спрашивается, распереживался? Нервничаю, прыщиками даже весь – с ног до головы – покрылся, как лох последний, чилийский... Нет, надо успокоиться, собраться с мыслями. Самое лучшее – прямо завтра, благо, что грядёт суббота – рвануть на дачу. Пивка прикупить литров семь-восемь, рыбки вяленой, орешков в ассортименте, запереться, посидеть у жаркого камина, вспомнить старые добрые Времена, подбить некоторые промежуточные итоги.... Ерунда, прорвёмся!».

На следующее утро, как и планировал, Серый уехал на дачу.

Жена Ирина, будучи женщиной по-настоящему умной и понимающей, возражать не стала. Повздыхала только немного – понятно и жалостливо. А на прощанье подмигнула – тепло и нежно...

Широкой лопатой, предусмотрительно оставленной с осени на улице, он расчистил входную дверь от снега, зашёл в промёрзший за зиму дом и, первым делом, растопил камин. Потом, часа через два с половиной, когда в комнате стало относительно тепло, Серый подтащил к камину колченогий столик, застелил его старенькой скатертью, на которую и выставил многочисленные пивные банки. Вскрыв разнокалиберные пакетики, разложил по тарелкам-блюдечкам нехитрые закуски: чипсы, орешки, сметки, спиральки подкопченного сыра и узкие кальмаровые полоски.

– Что же, приступим, пожалуй? – предложил сам себе Серый и – с негромким «пшиком» – открыл первую пивную банку. – Вспомним, как оно всё было¹...

В понедельник Серый – помолодевший, улыбчивый и весёлый – вернулся домой.

¹ – Роман «Книжник. Сладкая месть» является хронологическим продолжением романа «Байки забытых дорог».

– Неужели, что-то придумал, бродяга? – мягко улыбнулась Ирина, подставляя упругие губы для поцелуя.

– А, то! – он протянул жене лист бумаги, на котором в столбик было начертано несколько слов.

– Двойник Меньшикова, Метель, Выстрел, Выбор-побег, Маскарад, АнтиМетро-2033, Зеркала Борхеса, Королева бабочек, – прочла-перечислила Ирина. – И, что означают все эти странные и вычурные фразы?

– Названия авантюрных, фантастических и приключенческих романов, которые я напишу в самое ближайшее время, – довольно улыбнувшись, пояснил Серый. – Я решил податься в писатели. Говорят, что это дело – однозначно – престижное и денежное. Прорвёмся. Не впервой...

Глава первая

Издательство «Крылья». Первая кровь

«Первая кровь?». Сильно сказано. Избыточно сильно, картинно и пафосно. Просто – первая сюжетная линия, запутанная слегка. Не более того. Старт, так сказать....

И, вообще, каждому огородному овощу – своё время. Будет ещё и кровь, и пот, и остропахнувший человеческий кал. Всё ещё будет, дамы и господа.... Для чего, собственно, мы в своё время – все поголовно – получали высшее образование? Правильно, именно для того, чтобы горячку не пороть. Пусть всё будет – медленно и плавно. Ну, как при премьерном половом акте в первую брачную ночь. Если, понятное дело, невеста является девушкой честной, непорочной и целомудренной. Что, согласитесь, по нашему наглому и неправильному Миру является глупым нонсенсом и диковинной редкостью...

Первый параграф. Изумрудная девушка

Витя Крыленко умел пьянствовать. По-настоящему – умел.

Кто это там так недоверчиво и насмешливо хмурится? Бросьте, родные. В сытое и толстощёкое табло давно не прилетало? То-то же.... Пьянствовать, чтобы вы знали, это – высокое и изысканное искусство. Высокое, благородное и.... Да, уж...

Всякое бывает – по нашему странному и бестолковому Миру. Всякое.

Но – иногда – бывает и по-другому. Иногда...

В Репино – под Санкт-Петербургом – организовали какой-то очередной писательский семинар. Или же международную конференцию по обмену успешным литературным опытом? Трудно, ребятки, сказать однозначно. В том смысле, а вам-то, братья и сёстры, какая разница? Мол, семинар? Или же, наоборот, конференция?

Впрочем, сценарий данного знакового мероприятия был стандартно-смешным: сырой северо-западный ветер с Балтики, холодная слабо-прожаренная корюшка, слегка пахнущая свежим огурцом, выдохшееся пиво и откровенно-левая водка – в мятых пластиковых стаканчиках.

Скука смертная и неисправимая, короче говоря. Только двое ребят из Перми чуть-чуть исправляли ситуацию – у обоих выходили книжки в известном питерском издательстве. Выходили, мать его.... Получите, гости дорогие, по этому важному поводу – порцию провинциального щенячьего оптимизма...

Мало ли чудачков живёт на нашей прекрасной и древней планете? Много. Слава Богу.

Впрочем, один – из двух пермских чудачков – писал, действительно, прилично. И, вообще, вёл себя – аки натуральный Ангел небесный. То бишь, денег практически не просил. Так, лишь блаженно улыбался. Был доволен всем и вся. Книга «бумажная» появилась – уже хорошо. Типа – счастье голоштанное. Гордыня неистребимая, блин горелый...

– Идеальный клиент, – вскользь улыбнувшись, тихонько пробормотал Виктор. – Только на таких чудиках он и держится, современный бизнес издательский. Твою мать.... Где срочно взять пятёрку баксов? Где, я вас спрашиваю? У кого? Ну, очень надо. Маринка, писюшка похотливая, уже две с половиной недели клянчит. Мол, хочу иномарку подержанную купить. Дура капризная. Сумасбродка длинноногая и сексуально-необузданная...

– Привет, Витюша! – пророкотал рядом самоуверенный басок. – Как она, жизнь литературная? Скучаешь?

Крыленко обернулся и, внутренне поморщившись, широко и вежливо улыбнулся. К нему, держа в ладони правой руки стильную фляжку из нержавейки, приближался – вальяжной походкой – Саня Мазур, известный писатель-фантаст, по совместительству – ведущий редактор питерского филиала издательства «Астра».

«Акула сытая, хищная и хитрая. Морда хохляцкая», – подумал про себя Виктор. – «Загар испанский на толстощёкой харе. Ботиночки итальянские на лапах сорок пятого размера. Коньячком приличным явственно пахивает. «Хенесси», не иначе, так его и растак. Как же, будет мэтр отечественной фантастической литературы вкушать левую водочку. Хрен дождётся. Даже до морковкиного заговенья – не получится.... А ещё Мазур всем подряд рассказывает, что, мол, является потомственным дворянином. Ну-ну. Кто, интересно, поверит в эти сладкие и глупые бредни? Выдумщик и зазнайка, так его и разэтака...».

– Здравсьте, Сан Саныч! – подобострастно откликнулся Крыленко. – Всё цветёшь и пахнешь? В смысле, дорогой французской туалетной водичкой? Издательство, кстати, менять не надумал?

– Надумаешь тут, – заметно поскущел Мазур. – Я бы – со всем удовольствием. В том плане, что поменял бы. Но...

– Квартира держит?

– Ага. Хитрый такой договор заключила со мной «Астра». Мол, только через десять лет – после его заключения – ко мне переходят права собственника. Ещё три с половиной года осталось впахивать. Рабовладельцы хреновы. Мать их московскую...

– Суки рваные, – поддержал Витька. – Монополисты, выстроившие весь бизнес по американским гадким калькам.... Дашь коньячку хорошего глотнуть? Вот, спасибочки, благодетель щедрый. Премного благодарен.... Хорош, напиток! Хорош.... А, как дела издательские?

– Говно полное, – поморщился Мазур. – Авторы, сволочи, совсем обнаглели. Не желают, морды, работать без денег. Твари безмозглые и меркантильные.... Разве мало того, что твою рядовую мыслительную хрень издали «в бумаге»? Цветная твёрдая обложка. Красивая такая, глянцева. Живи, радуйся и гордись.

– Точно, ваше благородие. Работай, впахивай, а по вечерам и по выходным – книжки пиши в своё удовольствие. Ну, и надейся на успешный карьерный рост, связанный с ближайшей аттестацией...

– Это – как?

– Элементарно, Шурочка, – криво усмехнулся Крыленко. – В любой расширенной анкете, которая сопровождает серьёзную аттестацию, есть графа – «хобби и интересы». Например, аттестуемый пишет в данной графе, мол: – «Рыбная ловля». Что – при этом – думает мудрый и подозрительный работодатель?

– Да, что он думает?

– Мол, данный работник является горьким и законченным пьяницей. Для чего, мол, русские мужики ездят на рыбалку? Водки, ясен пень, попить от пуза.... А здесь – «Писательская деятельность. Автор нескольких фантастических повестей и романов...». Внушает, блин пшеничный. Надо мужика – в любом раскладе – повышать по службе. Ведь, нельзя же, находясь в пошлом алкогольном угаре, писать фантастические и приключенческие романы? Верно? Я прав?

– Ну, не знаю, коллега, – Мазур задумчиво – на пару-тройку секунд – приложился пухлыми губами к фляжке с коньяком. – Есть один мерзкий чувак, которому – именно по пьянке – пишется всласть. Так пишет, сука позорная, что даже завидки иногда берут. Морда наглая.... Так диалоги выстраивает, закачаешься. Не говоря уже о разнообразных психологических коллизиях и наворотах...

– Серегу Хрусталёва, надо понимать, имеешь в виду?

– Его, родимого. Читал – «Снежное реалити-шоу»?

– Читал. Скотина. Моцартом себя возомнил.

– Ничего. У нас на каждого хилого Моцарта – завсегда – отыщется пару сотен крепких Сальери. Тварь.

– Скандальный тип, – брезгливо поморщился Виктор.

– Совсем достал?

– Ага. По полной и расширенной программе. На весь Интернет, гад подлый, ославил. Открытым текстом пишет. Мол, так и так, денег не платим. Обещаний никогда не выполняем. Ни письменных, ни устных. Балуемся «левыми» многочисленными допечатками. Заключаем с Авторами «чёрные» и «серые» договора. Ну, и так далее. По развёрнутому и углублённому перечню...

– Знакомое дело. Он и нас регулярно и целенаправленно достаёт. Сволочь настырная.

– Может, обмозгуем – сложившуюся ситуацию – совместно?

– Ну, не знаю...

– Да, ты, Санёк, меня насквозь неправильно понял. Я про наёмных киллеров ничего и не говорил. Даже не заикался. Есть же суд, всякие там адвокаты, следователи и прокуроры. Сперва, скинувшись, денежек зашлём немного – по проверенным каналам. Потом, понятное дело, официальное заявление подадим.... Пусть Хрусталёва, гниду, посадят на пару лет. Чтобы другим драным козлам было неповадно. Да и условный срок – в принципе – пойдёт. Главное, что образуется чёткий прецедент.... Сразу скажу, на берегу. С меня – одна пятая часть от общих расходов. «Крылья», как всем известно, издательство маленькое и скромное. Мне большего не потянуть. Извини, коллега.

– Да, всё я понимаю, – надменно хмыкнув, заверил Мазур. – Подумаю на досуге, посоветуюсь с Москвой. Всё бабло у них, козырных. Пусть и решают. Хари жадные, к Кремлю приближённые.... Ладно, приятель, всех тебе благ. Пойду, прогуляюсь немного. Там мне одна завлекательная блондиночка зазывно подмигивала. Мол, являюсь вашей многолетней преданной фанаткой и готова доказать – сей искренний постулат – на деле.... Бывай, Витюшка. Созвонимся как-нибудь. Покеда.

– Ага. Буду ждать.

– Только – без согласования – ничего не предпринимай. Пожалуйста.... Этот лысый урод – наемни – и Первый телевизионный канал достал. Умудрился-таки. Так что, сам, наверное, понимаешь.

– А, то...

Мазур, хищно поглядывая по сторонам, удалился по направлению к большому общему костру.

– Виктор Степанович, – прошелестел из-за ближайшей толстой сосны тихий девичий голосок. – Виктор Степанович. Ау. Это я.

«Чёртова девчонка из Химок», – промелькнула в голове скучная серая мысль. – «Послать её, настырную, куда подальше? Послать, понятное дело.... Стоп! А вдруг, она, сучка бездарная, является богатой? Типа – можно бабла срубить по лёгкому? Да и сама барышня – ничего из себя. Юбочка короткая-короткая, ярко-изумрудного цвета. Такой же топик, игриво обтягивающий аппетитную грудь. Глаза – ярко-зелёные, с лёгкой и ненавязчивой развратинкой.... Изумрудная девушка, короче говоря. Практически – заветная мечта поэтически-настроенного жулика....».

– Ну, уважаемая Татьяна Сергеевна, – приветливо и радостно улыбнулся Виктор. – Чего вы, собственно, хотите от меня на этот раз?

– Того же самого, Виктор Степанович, – целомудренно отводя глаза в сторону, промялила симпатичная девица. – Когда же, всё-таки, выйдет моя долгожданная книжка? В смысле, мною написанная?

– Какая – конкретно? Напомните, пожалуйста.

– Ну, «Пленница белоснежного единорога»?

– Не знаю, право. Я же вам уже всё подробно-подробно объяснил...

– Мол, мировой финансовый кризис, непомерно-большие накладные расходы и целенаправленное наступление подлого Интернета?

– Правильно. Вы, милейшая Танечка, обладаете отменной памятью.

– Обладаю, – смущённо улыбнувшись, подтвердила начинающая писательница и, помявшись, добавила: – У меня имеются и другие – важные и весьма привлекательные – достоинства.

– Какие, например? – заинтересовался Крыленко.

– Длинные и стройные ноги. Упругая грудь – с очень чувствительными сосками. Бурный, практически неукротимый и безграничный сексуальный темперамент...

– Это, да. Типа, действительно, привлекательные и заслуживающие внимание достоинства.

– А ещё, – принялась отчаянно интриговать девица. – Я готова и денег – за внеочередную и оперативную публикацию моего романа – заплатить.

– Сколько?

– Четыре тысячи долларов.

– Маловато будет. Мне нужно пять.

– Но, у меня больше нет.... Может, вас устроит – качественными сексуальными услугами?

– На тысячу американских долларов? – жадно сглотнув похотливую слюну, уточнил Виктор.

– Ага. Причём, прямо сейчас. Лады?

– Лады. А, собственно, где?

– Там, – небрежно и развратно махнула рукой на запад странная изумрудная барышня. – На берегу залива. На мягком светло-жёлтом песочке. Под задумчивый шорох морских волн и загадочный шёпот вековых сосен. Долго и трепетно. Вдумчиво и разнообразно.... Пошли?

– Там же забор.

– В нём имеется широкий лаз. Так – как?

– Как в Кумасутре. Страничка за страничкой.

– Пошли?

– Уговорила, длинноногая. Шагаем развратничать.

– Вам говорили, что вы – очень похожи на молодого Ленина? У меня папа марки собирал.

– Говорили. А, действительно, похож?

– Очень.... Можно, я буду тебя называть – «Ильичём»?

– Можно. Называй. Меня так многие величают...

Нежный и задумчивый питерский закат. Тихий и переливчатый свист зябликов в давно нестриженном кустарнике. Далёкий, чуть охрипший голос лесной кукушки.

– Двенадцать раз всего-то накуковала, лентяйка, – печально вздохнул Крыленко. – Маловато будет.

– Кому – как, – насмешливо хмыкнула наглая девица. – Тем более, непонятно, что глупая птичка имела в виду. Годы? А, может, месяцы? Дни? Или, к примеру, минуты?

– Сплюнь, дура.

– Тьфу, тьфу, тьфу!

– Молодец, шалава зеленоглазая. Послушная, – скупно похвалил Витька. – Куда дальше? Направо?

– Прямо.... Видишь, тёмное пятнышко впереди?

– Вижу.

– Это он и есть. Лаз в пансионатном заборе...

– Стоп. Это что ещё такое? Вроде.... Сопит кто-то? Или же храпит?

– Это Геночка Конкин спит под молоденькой берёзкой. На мягкой моховой кочке. Умаялся, бедолага.

– Мой главный редактор?

– Ага. Твой.

– Ты что же, изумрудная? И его обслужить успела?

– Очень надо, – обидчиво хмыкнула девушка. – И без меня желающих хватает. Причём, в немалом избытке.

– Кто же, если не секрет? Томка Гладышева? Ну, которая «Бургундская графиня из Будущего»?

– Нет. Серёжа Шмарко. Который «Ночной дозор Времени»...

– А, бывает...

Виктор Крыленко, дабы протиснуться в заборную дырку, слегка нагнулся.

Болезненный укол в шею. Тишина. Чернота. Обострённое чувство тревоги, предвещавшее лютую смерть. Долгую такую и очень мучительную....

Второй параграф. Следователь Сомов

Пашка Сомов был – безусловно – хорошим человеком.

Хорошим и правильным. То бишь, правильным питерским пацаном. Практически рыцарем без страха и упрёка...

Как же, блин невский, иначе? Отслужил в родимых Органах без малого одиннадцать лет? Отслужил. Причём, в том самом районе, где и родился. Откуда уходил в доблестную российскую армию. Куда потом и вернулся.... Не посадили? Нет, до сих пор на свободе. Не застрелили – в бурные и неверные девяностые годы? Пытались, конечно. И не один раз. Но ничего у них, сук грязных, не получилось. Так, только два сквозных ранения и контузия лёгкая. Ничего, в общем, серьёзного.... Не выгнали из славных Рядов? Ну-ну. Не смешите, пожалуйста. Надёжные и несуетливые кадры, они всегда в цене.... Из младших лейтенантов дослужился лишь до капитана? Не вопрос. Скромность, как всем известно, украшает человека. В том смысле, что правильного и нормального человека. Отнюдь, не депутатов – всех уровней и созывов....

– Хороший, тёртый и правильный кадр, – изучая подробное досье на подчинённого, многозначительно усмехнулся очередной новый Начальник питерского УВД. – Честно служил. Перед вышестоящими не прогибался. Карьеры, нагло идя по головам сослуживцев, не строил. Воровал? Типа – по скромному крышевал всякую азербайджанскую сволочь, жмущуюся к станции «Купчино»? Наверное, ёшки-матрёшки. Но, судя по докладным запискам службы собственной безопасности, делал это вдумчиво и без излишней жадности. То есть, дружа с головой.... Ладно, Катенька, пропускаем данного неприметного субъекта дальше. Ставь уверенную и жирную галочку. Мол, внеочередную аттестацию прошёл успешно. Вопросы, подозрения и нарекания отсутствуют. Достоин именоваться гордым и красивым словом – «полицейский»....

Звонок мобильного запиликал в самый неподходящий и ответственный момент.

– Милый, не останавливайся, – изгибаясь сильной и умелой змеей, попросила Александра. – Ну, их всех – в конскую задницу. Не останавливайся, милый. Пожалуйста....

– Я бы и рад. Но...

– Что – но?

– Генерал звонит. Я все остальные номера с вечера заблокировал.

– Генерал? Это – что-то.... Ускоряйся, морда чернявая. Ещё. Ещё. Ещё – быстрее! Быстрее! О-о-о-о! Генерал...

– Слушаю, товарищ генерал-лейтенант! – браво выдохнул в чёрную телефонную трубку Пашка. – Готов – к труду!

– А, пардон, к обороне? – ехидно поинтересовался вальяжный баритон. – Готов?

– Так точно. Готов. Век майорских погон не видать! Всё выполняю.

– Всё?

– Так точно! – браво заверил Пашка. – Всё. И даже – больше. Наизнанку вывернусь. Приказывайте.

– Мне тут из Мэрии звонили. Мол, уважаемые люди пропали бесследно. Надо найти. Обязательно – надо. Усекаешь?

– Так точно! Выполню!

– Не «выполню», майор, а – выполни. Будь так добр, майор. Приказ о твоём назначении – с очередным повышением в звании – мною заранее подписан. И под пыльное сукно рачительно положен. Проникся, курсант хренов?

– Проникся. В том смысле, что постепенно проникаюсь.... А почему, извините, «курсант»?

– По кочану. Все, кто ниже майора, являются – по глубинной сути – курсантами. Доходчиво?

– Ага. Ну, и?

– Намечается, судя по всему, дерьма редкостный кусок, – запечалился генерал. – Уже откуда только, морды приставучие, не звонили. И из Городской прокуратуры. И из Думы Государственной. И из самого Совета Федерации. Блин...

– А из параллельных Контор? – слегка икнув, уточнил на всякий случай Сомов. – Я имею в виду...

– Заткнись, капитан. Заткнись, молчи в тряпочку и слушай. Имеет он кого-то. Деятель купчинский. Ладощку свою потную – имей. До самого семенного конца.

– Да, я...

– Головка от тайного ракетного комплекса – «Булава».

– Так точно!

– И это – правильно, – повеселел генерал. – Ну, хочешь, собака бешеная, майором стать?

– Дык...

– Собаку – в миг. Ну?

– Баранки – усердно – гну! В том плане, что жду чёткого и однозначного приказа.

– Приказа?

– Или конкретного задания, – притормозил Пашка. – Я, собственно...

– Отставить.

– Есть, отставить!

– Молодец. Пропали заслуженные люди. Надо, братец, найти.

– Пропавших людей?

– Не обязательно, – задумчиво хмыкнул генерал. – Достаточно – для начала – чёткие следы и потенциального злодея. Дальше помогут.... Усёк, будущий майор?

– Так точно!

– Молодец. Итак. Пропали двое. Виктор Степанович Крыленко – единственный учредитель и Генеральный директор санкт-петербургского издательства «Крылья»...

– По кличке – «Ильич»?

– Он самый. Плюс главный редактор того же издательства – Геннадий Тимофеевич Конкин. Въехал?

– Въехал, – заверил Пашка. – Там у них, кажется, в Репино, очередной семинар проходит? Я имею в виду, у писателей?

– Проходил, – согласился генерал. – Но сегодня закончился. Причём, бесследным исчезновением двух уважаемых и публичных персон. Так что, Сомов, временно забудь о своём благословенном Купчино и о тамошних щедрых азербайджанцах. Переводишься – до завершения расследования – в Курортный район. Где, ясен пень, и возглавишь оперативную группу. Всё, надеюсь, понял и ущучил?

– Так точно!

– Молодец.... Кстати, Сомов, а кого ты сейчас имеешь?

– В плане? – осторожно уточнил Пашка.

– Без всякого оперативно-тактического плана, – лениво и насмешливо зевнул генерал. – С кого это ты, мерзавец похотливый, слез – после моего телефонного звонка?

– Дык...

– Петушка в попу – вмиг! Я, что же, жирных мышей, по-твоему, ловить разучился? Не могу – по учащённому дыханию подчинённого – определить общую стратегическую обстановку? Типа – нюх потерял окончательно? Отвечать, тварь дрожащая, когда старший по званию спрашивает!

– Никак нет! Можете. Не потеряли.

– Вот, то-то же.... И так, с кого – полторы минуты назад – слез, голытьба капитанская? Надеюсь, что с женского тела? Типа – с нежного, загорелого и трепетного? Гы-гы-гы...

– С женского, – смущённо вздохнув, сознался Пашка. – С загорелого и трепетного.

– Уже – молодец, майор.... Небось, Александра Фролова, корреспондентка газеты «Новейшие новости»?

– Так точно! А, что такого? Ментам, разве, нельзя – с корреспондентками? Типа – общаться? В смысле, полицейским?

– Можно, – язвительно хихикнул генерал-лейтенант. – И даже, в определённых ситуациях, нужно и необходимо. Особенно – в свете предстоящих оперативно-розыскных мероприятий. Молодец, майор. Ты, значит, это...

– Что?

– Пообщайся со своей прекрасной пассией – на означенный выше предмет.

– Э-э-э, – замялся Пашка. – В смысле?

– Сугубо в оперативном смысле. Сперва – по новому кругу – вновь заберись. Доведи любимую девушку до очередного оргазма. Ещё лучше – до их плотной и долгой серии. А потом, уже слезши, пораспрошай душевно. Типа – об интересующем нас издательстве «Крылья». Мол, как, что и почём? Журналистки, они, как правило, многое знают. Слухи там, сплетни разные.... Въехал в тему?

– Так точно!

– Выполнять, майор. Причём, с удвоенным усердием и утроенным рвением. Типа – ради пользы дела. Не посрами, молокосос, чести погон. Твою мать.... Гы-гы-гы!

– Не посрамлю. Можете не сомневаться. Уже, в соответствии с полученным приказом, залезаю.

– Удачи, будущий майор.

– Роджер.

Третий параграф. Два капитана

Пивной бар назывался – «Два капитана», хотя в интерьере данного купчинского заведения ничего морского не наблюдалось – стены, обшитые бело-красным пластиком, обшарпанные квадратные столики, разномастные убогие стулья, заплёванный грязный пол, мрачные официанты в скучных тёмно-коричневых костюмах. Единственным светлым пятном бара выступала телевизионная плазменная панель – полтора метра на метр.

Тогда почему – «Два капитана»? По гнилому капустному кочану. Учредителей у приметного заведения было ровно два. Один – до выхода в отставку по плановому сокращению штатов – трудился капитаном в ГРУ. Другой, соответственно, в ФСБ. Ничего хитрого.... Надеюсь, вопрос снят? Спасибо, понятливые граждане и гражданки. Продолжаем...

Но, главное заключалось совсем в другом. Кабачок, действительно, являлся заведением, отнюдь, непростым. Спецслужбы и прочие несимпатичные организации – по негласному секретному соглашению – здесь никогда не устанавливали никакого записывающего и подслушивающего оборудования. Более того, «Два капитана» никогда не попадали в сводки и профильные отчёты, как будто бы этого бара, и вовсе, не существовало в природе. Совсем не существовало. Никогда....

В «Капитанах» «фээсбешники» – вопреки всем строгим инструкциям, уложениям и правилам – могли свободно общаться с «грушниками». А супер-секретные агенты американского ЦРУ, не ставя о том в известность руководство, болтать – о чём угодно – с жадными и коварными российскими депутатами.

Пашка, взяв литровый бокал «Балтики» и маленький пакетик с вялеными камчатскими кальмарами, уселся за самый дальний – от барной стойки – столик и внимательно огляделся по сторонам.

Всё было спокойно, скучно и благостно. За правым от него столиком две светловолосые и длинноногие нимфы несуетливо окучивали пожилого господина – насквозь подозрительной арабской внешности.

«Понятное дело. Плавали – знаем. Фээсбешные курсантки-двоечницы сдают практический тест. Типа – преддипломный», – машинально отметил Пашка. – «Только никакой это и не араб, а Махмуд Садыков с «левого» автомобильного рынка, что расположен на улице Салова. Наняли, ясный свежий сыр, за сущие копейки. Болтает сейчас, небось, о многих тоннах качественного динамита, коварно заложенного под казённой дачей уважаемой Валентины Матвиенко.... Интересно даже, поведутся наивные девицы? Или же расколют орла дагестанского – на раз? И как, собственно, колоть будут? Может, через разнузданную и раскрепощённую сексуальную оргию? Поучаствовал бы, честное слово. Даже за бесплатно. Типа – за святую, наивную и насквозь патриотическую идею...».

Пиво, как и всегда, было отменным. Свежим, ароматным и забористым. «Капитаны» – по устоявшейся давней традиции – крепко держали марку. А, как же иначе? Чай, не последнее пивное заведение в городе. И в богатой Европе про него знали. И в далёком туманном Вашингтоне. Хрусталёв, дрянь наглая и нахрапистая, даже в паре авантюрно-приключенческих романов упомянул – вскользь – о «Капитанах». Морда писательская, легкомысленная...

Наконец, в зале появилась запыхавшаяся Александра – в компании с низеньким дяденькой средних лет. Лысым, широкоплечим, надменным и приметным – с толстым багровым шрамом, изысканно змеящимся по правой небритой щеке.

– Сергей Хрусталёв, – усаживаясь на хлипкий пластиковый стульчик, представился дяденька.

– Я в курсе, – вежливо улыбнулся Пашка. – Как же, такой человек...

– Краса и гордость Купчино?

– А, то. После джазового Билли Новика, понятное дело.

– Это точно. Только после Билли, – покладисто согласился Хрусталёв. – Я на контрабасе, извините, играть не обучен... А ты, брат-капитан, третьим – по народному перечню – идёшь? В смысле, по купчинской реальной значимости?

– М-м-м...

– Третьим, – подтвердила честная Сашенция. – А, лично для меня, так и первым. Лучший купчинский мент, как-никак. Общепризнано. Причём, давно и надолго. А Купчино, как всем хорошо известно, является тайной и секретной столицей Мира...

– Согласен, боевая подруга, – расслабленно улыбнулся Хрусталёв. – Действительно, столица.

– Пивка? – предложил вежливый Пашка.

– Уже несут. Стандартный заказ. Я им иногда оказываю... э-э-э, разные мелкие и незначительные услуги. А «Капитаны» со мной рассчитываются приличным пивом и нехитрыми закусками.

Возле их столика появился пожилой и предупредительный официант с физиономией отставного матёрого подполковника ФСБ, и принялся расторопно сгружать – с прямоугольного подноса на столешницу – кружки и разнокалиберные блюдечки.

– Солидно, – одобрил Пашка. – Четыре пол-литровых кружки. Орешки. Кальмары. Скумбрия.

– Обычная норма нашего уважаемого Сергея Сергеевича, – охотно пояснил официант. – Рыбка, как вы любите, с лёгким и пикантным душиком, а сухарики чуть-чуть пережаренные. Приятного аппетита!

– Спасибо, любезный...

Через несколько минут Сергей поинтересовался:

– Чем, собственно, обязан таким вниманием?

Пашка – в общих чертах – рассказал о таинственном исчезновении Крыленко и Конкина.

– Доигрались, жлобы дешёвые и безбашенные, – с удовольствием прихлёбывая пиво, констатировал Хрусталёв. – Нервы-то у народа, отнюдь, не железные...

– Думаешь, им кто-то отомстил?

– В гости к любимой тёще не ходи. Надоела уже эта сладкая парочка. Причём, всем и до полного офигения. Болтуны душевные и наглые. Жулики первостатейные.

– Расскажешь про них?

– Расскажу. Не секрет. Вот, только...

– Что такое? – забеспокоился Пашка.

– Ничего. Просто жарковато здесь. В смысле, в «Капитанах». Да и ушей любопытных хватает. И журналистских, и шпионских, и бытовых. Зачем, капитан, впутывать наивных и доверчивых иностранцев в наши несимпатичные российские игрища?

– Предлагаешь прогуляться? Типа – по благословенному и прекрасному Купчино?

– Предлагаю, – подтвердил Хрусталёв. – Только сперва пиво надо допить. А потом уйдём. По-тихому. Минут через сорок-пятьдесят. Через запасной выход, понятное дело...

Запасной выход оказался подземным, и был – через каждые пять-шесть метров – освещён тусклыми светло-жёлтыми фонарями. Он проходил под улицей Ярослава Гашека и заканчивался в подсобке универсама «Пятёрочка».

– Этот коридорчик остался ещё со старых и добрых Времён, – идя первым, охотно рассказывал Сергей Сергеевич. – Там, где сейчас находится пивной шпионский бар, до Перестройки располагалось подпольное казино и элитный бордель – для партийной ленинградской номенклатуры, понятное дело. А в помещении «Пятёрочки» размещался знаменитый универсальный магазин под ёмким названием – «Тысяча мелочей». Чёрные и бежевые солидные «Волги» регулярно останавливались возле «Тысячи мелочей». Важные дяденьки в характерных шля-

пах неторопливо заходили в магазин. Типа – купить электрические лампочки, зубную пасту, стиральный порошок и деревянные бельевые прищепки. Потом хитрые партийные деятели незаметно просачивались в магазинную подсобку, где постоянно дежурил проверенный офицер КГБ, и по подземному ходу отправлялись развлекаться. То бишь, эффективно сбрасывать накопившуюся усталость, готовясь к новым решающим схваткам с подлым мировым капитализмом...

– А откуда, Сергеич, ты знаешь об этом?

– Я же не всегда был нищим писателем-фантастом. В молодости и погоны носить доводилось. Представь, даже до высокого капитанского звания дослужился.

– ФСБ?

– Выше бери. ГРУ.

– Уважаю, – завистливо вздохнул Пашка, а про себя подумал: – «Непрост наш Хрусталёв. Ох, непрост.... А, блин, глаза? Холодные глаза несуетливого и толкового убийцы, как любит говорить Сан Саныч Бушков. Присмотреться надо будет к Сергею Сергеевичу. Профильные справки навести...».

Они, выйдя из «Пятёрочки», свернули на Купчинскую улицу и неторопливо зашагали в сторону универсама, носившего гордое наименование – «Шайба».

– Ну, что там у нас с издательством «Крылья»? – напомнила приземлённая Сашенька.

– С «Крыльями»? – переспросил Хрусталёв. – Хорошо, слушайте. Дело обстоит следующим образом...

Четвёртый параграф. Ретроспектива

01. Гаврилов и Конкин

Первую книгу Хрусталёв написал достаточно быстро, за три с половиной месяца.

– Интересно, в принципе, получилось. Молодец, – вдумчиво и придирчиво прочитав текст, одобрила Ирина. – А, какой это жанр?

– Жанр? – задумался Сергей. – Не знаю, честное слово. Наверное, «бодрый авантюрный роман с ярко-выраженной любовной линией...».

Книга называлась – «Братство Че». Главные и второстепенные герои, являвшиеся идейными и пламенными последователями легендарного Эрнесто Че Гевары, увлечённо странствовали по белу свету и – с нескрываемым удовольствием – пачками мочили всяких и разных буржуазных козлов.

Хрусталёв разжился в Интернете нужными электронными адресами и отправил тщательно-вычитанный текст в восемь российских издательств.

Прошёл месяц, полтора, два, но никто так и не откликнулся. Сергей сдублировал процесс, снабдив текст вежливыми и пространными электронными письмами. Тишина.

– Странно, – удивилась Ирина. – Неужели, так трудно ответить? Мол, извините, но предложенный вами роман нам не подходит.... Элементарная вежливость, не более того. Интеллигентные же люди, раз книжки издают.... Может, по телефонам позвонить?

– Не надо, – решил Хрусталёв. – Лично посещу молчалиников, я не гордый. То есть, гордый, но сугубо в меру.... Что здесь у нас самое ближайшее? Ага, питерское издательство «Крылья», площадь Некрасова. Сгодится...

По нужному адресу он подъехал к десяти ноль-ноль. Вежливо и коротко нажал на крохотную кнопку звонка, вмонтированного в косяк солидной железной двери. Тишина. Ещё позвонил. На этот раз, длинно и настойчиво. Тот же нулевой результат.

– Они так рано не начинают работать, – ехидно улыбнувшись, сообщил худой старичок, поднимавшийся по лестнице. – Творческие люди. Апологеты литературные.

– А, когда приходят? – спросил Хрусталёв.

– Ты, сынок, к часу дня подруливай. А ещё вернее – к двум. Творческие люди, я же говорю...

Сергей, прогулявшись по городу, подгрёб к половине второго и, пользуясь тем обстоятельством, что дверь была слегка приоткрыта, вошёл внутрь.

– Есть кто дома? – громко поинтересовался Хрусталёв.

– Есть, – отозвался хриплый голос. – На кухню гребни, приятель. Не ошибёшься...

«Бардак какой-то», – машинально отметил про себя Сергей. – «Обшарпанные письменные столы, заваленные всякими бумагами. Колченогие книжные шкафы. Допотопные компьютеры. Заплёванный пол. Бедновато, однако. Ёлы-палы...».

Кухня тоже никакого почтения не вызывала. Грязная разнокалиберная посуда. Старенький ярко-красный линолеум на полу. Хлипкая кухонная мебель. Доперестроечный холодильник в дальнем углу.

На древней фанерной табуретке восседал толстощёкий угрюмый тип среднего возраста – с сальными длинными волосами, неряшливо перехваченными чёрной бытовой резинкой. На кухонном столе находились две пивные банки.

«Натуральный хиппи из второй половины прошлого века», – подумал Сергей.

– Гаврилов, – ловко вскрывая одну из банок, представился тип.

– Хрусталёв.

– Извини, земля, но пива не предлагаю. Самому мало.

- Ничего, бывает. Ты, брат, кем трудишься в «Крыльях»?
- Ведущим редактором. Отвечаю за фантастику, авантюры и разные приключения. А ты, небось, автор? Типа – писатель?
- Ага, начинающий, – признался Сергей. – Книжку вам засылал – по электронке – пару месяцев тому назад. Вот, пришёл узнать издательский вердикт.
- Как называется сей опус?
- «Братство Че».
- А, помню, – Гаврилов, жадно приложившись к алюминиевой банке тонкими губами, активно забулькал. После чего, смачно икнув, сообщил: – Интересное и завлекательное чтиво. Блеск и полный отпад! До самого конца дочитал.
- Ну, и как тебе? Что дальше-то?
- Я же говорю, интересно. Но «Крыльям», как это и не печально, данный текст не подходит.
- Почему?
- Не ложится твоя книжка в схему нашей стратегической редакционной политики. Понимаешь?
- Не очень, – загрустил Хрусталёв. – Поясни, пожалуйста.
- Мы сейчас печатаем либо «пост-апокалипсис», либо – про «попаданцев».
- Про кого?
- Ну, про наших современников, попавших – из-за непреодолимых жизненных обстоятельств – в Прошлое.
- Кажется, понял.... А в какое конкретное Время должен «переместиться» Главный герой?
- От неолита до Второй мировой войны. Сам выбирай, – покончив с первой пивной банкой, Гаврилов, не делая пауз, открыл вторую. – Переделаешь «Братство Че»? То бишь, сдвинешь действие романа во Времени?
- Можно попробовать.
- Вот, и пробуй. Подожди-ка минутку....
- Гаврилов вышел, а вернувшись, протянул несколько мятых листов бумаги.
- Что это такое? – спросил Сергей.
- Развёрнутые типовые инструкции. Так сказать, для молодых начинающих авторов.
- «Каждая глава должна начинаться с того, что Главный герой попадает в беду», – приступил к чтению Хрусталёв. – «На протяжении главы герой должен из этой беды – с честью и достоинством – выбраться. Но тут же попасть в беду следующую, ещё более серьёзную. Динамика событий играет главенствующую роль и должна быть поставлена во главу угла.... Любовные отношения героев и героинь не должны влиять на общую динамику текста. Следует избегать всех мелодраматических затянутых моментов.... Не допускается большое количество юмора. Одна шутка – на три главы. Не более того.... Главный герой не должен страдать избыточным слюнявым благородством. То есть, он просто-таки обязан быть в меру циничным, прагматичным и меркантильным. Следует также помнить, что Власть является сильнодействующим наркотиком. Все герои, как главные, так и второстепенные, обязаны – изо всех сил – стремиться к Власти....».
- Минут через семь-восемь Гаврилов, насмешливо хихикнув, поинтересовался:
- Ну, и как оно тебе?
- Терпимо, – невозмутимо пожав плечами, ответил Сергей. – Попробую, конечно, учесть.
- Попробуй. Вот, ещё.... Избегай, пожалуйста, заумных слов. По тексту, я имею в виду.
- В смысле?
- Безо всякого смысла, – брезгливо поморщился Гаврилов. – Старательно избегай, и всё тут.... Вот, к примеру, как называется первая глава твоего романа?

– «Миттельшпиль».

– Ну, и зачем? Думаешь, что многие – из потенциальных читателей – знают это мудрёное словечко?

– Почему бы и нет? Шахматы – всенародно-любимая игра.

– Отстал ты от жизни, брат Хрусталёв. Безнадёжно и позорно отстал, – недовольно покачал головой новый знакомый. – Современную молодёжь, поверь мне на слово, шахматы и кроссворды совершенно не интересуют. И, вообще.... Интеллектуалы – все поголовно – уходят на просторы Интернета. А «в бумаге» книги читают только...э-э-э, не самые умные и образованные люди. То бишь, не отягощённые, как правило, избыточным интеллектом.... Понимаешь?

– Не очень.

– Короче говоря, не стоит излишне умничать. Надо быть проще, народ к тебе и потянется.

– Попробую, конечно.

– И ещё. Выбрось из текста все гнилые философские размышления и сентенции. Не надо – лишний раз – раздражать уважаемого читателя. Крови давай, мяса, секса, динамики безостановочной...

Через месяц Сергей отослал в «Крылья» три четверти переделанного романа. Книга теперь называлась – «Чукотский вестерн», а действие происходило в далёком и загадочном 1937-ом году, куда Главный герой – совершенно случайно – и «провалился».

Ещё через сутки позвонил Гаврилов и обрадовал:

– Твоя книга, братишка, нам подходит. Берём однозначно. Приезжай завтра к половине второго, будем договор заключать-подписывать. Встречаемся у входа.

Рядом с Гавриловым стоял тощий лохматый парнишка, жадно смолящий мятую сигарету.

– Хрусталёв, – вежливо представился Сергей. – Сергей Сергеевич.

– Геннадий Конкин, главный редактор «Крыльев», – протянул руку парнишка. – Можешь меня Геной называть.... Кстати, Серый, а как ты относишься к пиву?

– Очень положительно и трепетно.

– Тогда – за мной...

Они двинулись вглубь проходных питерских дворов. Поворот, второй, третий.... Возле щербатой лестницы, ведущей в подвальное помещение, Конкин остановился и торжественно объявил:

– Лучшее пивное заведение города! Прошу любить и жаловать! Не веришь, Серёга? Напрасно, право слово. Сейчас убедишься в моей правоте и честности...

Внутри помещение было обставлено в изысканном восточном стиле – характерная аляповатая мебель, увешанные коврами стены, медные и бронзовые разнокалиберные казаны-чаши, расставленные повсюду.

– Привет, Вагиз! – поздоровался Конкин.

– Вах, какие люди! – широко и радостно улыбнувшись, восхитился пожилой хозяин кабачка. – Проходите, гости дорогие! Свежей бастурмой угощу!

– Бастурма, это хорошо, – одобрил Гаврилов. – Давай три порции. Ну, и шесть бокалов пива, – пояснил для Хрусталёва: – Пиво здесь английское. Самое настоящее. Контрабандное, ясен пень. У Вагиза целая куча родственников трудится на нарвской таможне. В том плане, что по разные её стороны. Очень удобно, знаешь ли.... Вот, за этот столик усаживаемся. Знаковое и легендарное местечко.

– Чем же оно знаменито?

– Именно за этим столиком Греков вёл тайные переговоры с самим Бушковым. Въезжаешь?

– Не очень.

– Ладно, проехали. Потом объясню. Вернее, потом, когда станешь знаменитым и известным писателем, всё сам поймёшь. «Грековых» – на нашем свете – хватает.

– Тут это, – замялся Сергей. – Пиво английское, оно, наверное, очень дорогое...

– Ерунда, – заверил Конкин. – Ежели что, мы добавим копейку. Ильич Крыленко, конечно же, жлоб прижимистый и скупердяй известный. Но иногда денежку выделяет. Типа – на важные представительские расходы.... Спасибо, Вагиз, за оперативность. Спасибо, брат. Уважил.... Ну, за знакомство?

– За знакомство...

Пиво оказалось вполне приличным, а бастурма – наисжевайшей и практически-таявшей во рту.

– Вот, договор, – Конкин небрежно выложил на стол несколько листов бумаги и шариковую ручку. – Подписывай, земляк.... Ты, что же, его читать собрался?

– Грамотный же, – неуверенно улыбнулся Хрусталёв. – Прочту, не переутомлюсь.

– Ну, если делать нечего, то читай – встрял в беседу Гаврилов. – Тогда оно, конечно. А, вообще, все нормальные люди эту юридическую хрень никогда не читают.

– Почему?

– По кочану. Юридические бумаги, они сугубо для юристов пишутся. А нормальные пацаны, они всегда должны доверять друг другу. Только на этом наш долбаный Мир и держится. Как бы так оно.... Вагиз, принеси-ка ещё пивка!

Через несколько минут Хрусталёв, смущённо повздыхав, сообщил:

– Ляпов разных, между нами девочками говоря, хватает. Всякие «переуступки прав третьим лицам», чётко не оговорена величина стартового тиража, не раскрыт механизм допечаток.... А эта фраза, мол: – «Гонорар автору выплачивается в течение шести месяцев после выхода стартового тиража...». Долговато будет. Можно – ненароком – похудеть.

– Мы с авторами рассчитываемся в течение двух-трёх месяцев, – лениво зевнул Конкин. – Принцип такой, основополагающий.

– Зачем же тогда писать – по тексту договора – про шесть?

– Откуда я знаю? Юристы и бухгалтера, они путаники и твари известные.... «Переуступка прав третьим лицам»? Не бери в голову. Это чисто на всякий пожарный случай. Например, если злая Налоговая наедет и прищемит. То бишь, чтобы успеть сбросить на сторону всю интеллектуальную собственность.... Стартовый тираж? Книга у тебя получается надёжной и интересной. Попробуем издать семитысячником. Когда? Ну, думаю, месяца через три с половиной уже будет в продаже. Не о том тебе сейчас надо думать, молодой и талантливый автор. Не о том, родной...

– А, о чём? – спросил Хрусталёв.

– О второй книге, конечно же. Надо события бодро форсировать, а не сопли жевать зелёные.

– Нехило было бы к первому роману, ненавязчиво заглядывая в Будущее, киносценарий написать, – предложил Гаврилов. – Типа – на трёх-четырёх серийный телевизионный фильм. Мол, отвязанные и невероятные приключения в чукотском интерьере далёкого и мутного 1937-го года. Герои у тебя, браток, крепкие и симпатичные. Прокатит.

– Сразу – киносценарий?

– Ага. Чего, собственно, тянуть-то? Возле наших «Крыльев» постоянно вертятся всякие киношные агенты. Втюхаем, не сомневайся.... Ну, будешь, дурилка недоверчивая, договор подписывать? Вагиз, ещё пива!

Хрусталёв, задумчиво вглядываясь в купчинские незатейливые пейзажи, замолчал.

– А, дальше? – спросила нетерпеливая Александра.

– Подписал договор, – грустно вздохнул Сергей. – Вернее, сразу два. То бишь, на обе книги. На этом, собственно, и всё. Закончилась светлая полоса. Прервалась, так сказать, толком и не начавшись.

– Расскажи поподробнее, – попросил Пашка.

– Пожалуйста... Первая книга вышла не через пару месяцев, а ровно через год. Тиражом три тысячи экземпляров. Вторая – ещё через полгода. Деньги? Не смешите, право. За первую что-то там заплатили. Копейки сущие. Семнадцать тысяч четыреста шестьдесят пять рублей. По второй – полный ноль, хотя с момента её выхода прошло уже больше двух лет. Киносценарий? Написал, понятное дело. Два с половиной месяца потратил. Впустую, естественно. Никто им, как и следовало ожидать, не заинтересовался...

– Что же произошло? Почему? – удивилась Александра.

– На все вопросы в «Крыльях» существует лишь одна дежурная отговорка, мол: – «Мировой финансовый кризис, мать его...». Только врут они всё, суки алчные и наглые. Гаврилов давно уже уволился из «Крыльев». Встречались мы как-то с ним, выпили по-взрослому. Вот, он по пьяной лавочке и поведал – о количестве «левых» допечаток по каждой из двух книг. Впечатляет.

– Почему же ты, Сергей Сергеевич, до сих пор не обратился в суд?

– Если я буду по судам, высунув язык, бегать, то кто книжки – вместо меня – будет писать? Вот, то-то же... Опять же, надо помнить и о коронной фразе в договорах, мол: – «Возможна переуступка прав третьим лицам...». Причём, это загадочное «третье лицо» запросто может оказаться «однодневкой», зарегистрированной в далёком и солнечном Биробиджане. На «левый» паспорт, понятное дело. По судам бегать устанешь...

– И много вас таких – «Крыльями» обиженных? – закуривая очередную сигарету, уточнил Пашка.

– Достаточно, – криво усмехнулся Хрусталёв. – Десятка полтора наберётся. Почти все авторы последних трёх-четырёх лет, имевшие дела с этим издательством... Так что, брат Сомов, срочно заходи на сайт «Крыльев», в раздел – «Наши авторы». Получишь готовый список потенциальных злодеев...

Пятый параграф. Ретроспектива 02. Борман

Александра отправилась в редакцию. Пашка отбыл – на казённой машине, предоставленной добрым генерал-лейтенантом – в Репино, на осмотр места преступления. То есть, пока – происшествия.

А Хрусталёв, свернув на улицу Олеко Дундича, решил не прерывать прогулки. Он неторопливо, тихонько насвистывая ненавязчивую мелодию, шагал по тротуару, покрытому густой сетью трещин, и вспоминал подробности своего последнего визита в «Крылья».

Дело было ранней зимой. В кабинете находились Крыленко и Конкин – оба хмурые и жутко-мрачные.

– Есть деньги? – поинтересовался – вместо приветствия – Хрусталёв.

– Откуда? – сделал бесконечно-удивлённые глаза Виктор Степанович. – Ведь, это...

– Мировой финансовый кризис?

– Он самый.

– А, что у нас по третьей книжке?

– Ну, не знаю....

– Не катит – твоя третья книжка, – непроницаемо глядя в сторону, сообщил Конкин. – Совсем.

– Почему?

– По многим весомым факторам и серьёзным причинам. Вот, к примеру, возьмём главу, посвящённую встрече Главного героя с Мартином Борманом. Зачитываю.

В назначенное Шульцем время к высокому крыльцу санатория величественно подъехал ухоженный чёрный «мерседес», из которого вылезли три высоких и широкоплечих молодых человека, облачённых в приметную штатскую одежду: длинные – до пят – кожаные чёрные плащи, широкополые чёрные шляпы, белые шарфы, небрежно накинутые на толстые бычьи шеи.

– Сеньор Рамос? – небрежно поинтересовался паренёк, стоявший рядом с водительской дверцей. – Очень приятно. Садитесь на заднее сиденье, идадьго. Посередине.

Денис влез в автомобильный салон, пахнувший хорошим табаком и дорогим мужским одеколоном. Двое других молодых людей тут же крепко стиснули его кожаными боками.

Машина, негромко чихнув, тронулась с места и медленно покатила в сторону моря.

– Сейчас вам завяжут глаза. Не обижайтесь, кабальеро, но так надо, – не оборачиваясь, солидно сообщил с водительского сиденья главный «кожаный плащ». – Строгие должностные инструкции. Не более того...

Его товарищ, достав из кармана плаща плотную чёрную ленту, крепко завязал Денису глаза, после чего – порядка ради – пошарил рукой вдоль повязки, проверяя надёжность и действенность этого ограничителя зрения.

«Да, во все времена и у всех народов Власть Препедрержащие обожали, обожают, и будут обожать – колотить дешёвые понты», – с философской грустинкой подумал Денис.

Первые десять-двенадцать минут машина ехала по отличному асфальту, потом, судя по участившимся колебаниям чутких рессор, свернула на второстепенный просёлочек.

Он решил ещё раз разложить в голове «по полочкам» информацию о человеке, с которым ему предстояло встретиться. Впрочем, достоверной информации было до обидного мало.

«Итак, начнём!», – мысленно потёр Денис ладонью о ладонь. – «Борман появился на «Олимпе» Рейха внезапно, словно бы – из неоткуда.... Точно известно, что весь 1924-ый год он провёл в тюрьме – за участие в кровавых уличных беспорядках, где и заработал свой знаменитый кривой шрам на щеке. А потом – словно бы по мановению волшебной палочки – стал

всесильным канцлером НСДАП.... Как? Никто толком не знает. Гитлер, вдруг, за что-то всерьёз рассердился на Гесса. На своего ближайшего друга и старого соратника, которому разрешал называть себя по имени и на «ты». Гесс – канцлер НСДАП, старая, выдавшая виды лиса – это сразу почувствовал. Почувствовал и испугался. Что произошло дальше – общеизвестно. Как говорится, чемодан, аэропорт, Лондон.... Пришлось думать, кого вместо Гесса посадить в кресло рейхсканцлера партии. Неожиданно для большинства, выбор фюрера пал именно на Бормана – серую незаметную мышку, который не терпел публичности и даже от фотографов постоянно прятался за спинами соратников. Небольшого росточка, полноватый, непрезентабельный, круглоголовый, неразговорчивый, неуклюжий, недоверчивый.... Став рейхсканцлером, Мартин Борман совершенно не изменился: в быту, такое впечатление, стал ещё скромнее, в поведении – ещё молчаливее, подозрительнее и мрачнее. Этого никто не понимал, Бормана стали всерьёз бояться.... Только один Гитлер довольно ухмылялся в усы и был с рейхсканцлером приветлив и любезен, но – очень даже в меру, без перебора и видимой теплоты.... Борман же служил своему фюреру как старый верный дворовый пёс, ничего не требуя взамен. Рассказывают, что фанатизм рейхсканцлера иногда переходил все границы разумного: по его приказу в места, где Гитлер планировал выступать перед доверчивыми народными массами с приветственными речами, пересаживали взрослые деревья – чтобы фюреру, часом, не напекло голову.... Всё это происходило совершенно незаметно, словно само собой. Рейхсканцлер тщательно и скрупулёзно вел повседневные бумаги, готовил тезисы к программным речам, а когда его просили, то, смущаясь и краснея, давал краткие, но дельные советы. Он всегда был при деле, работая по четырнадцать-пятнадцать часов в сутки, без всяких выходных и праздников.... Но однажды Мартин Борман серьёзно заболел и слёг на трое суток. «Я остался без рук! Встала вся работа! Борман, видите ли, болен, а все остальные – абсолютно бесполезны!» – публично заявил Гитлер.... Только после этого случая элита Рейха начала осознавать, кто имеет на фюрера реальное влияние. Гитлер, скорее всего, это тоже понимал, но данная ситуация его полностью устраивала.... Вот, собственно, и вся информация. Не густо....».

Прошёл час, другой. Вдруг, в приоткрытое боковое окошко автомобиля ворвался свежий запах моря, становясь с каждой минутой всё острее, острее...

Машина остановилась, невидимые «кожаные плащи», бережно подхватив Дениса под локти, повели куда-то. Высокие, выщербленные местами ступени, ведущие по крутой спирали неизменно вверх.... Сопровождавшие, наконец, остановились, вежливо усадили его на табурет, аккуратно сняли с глаз повязку и, спускаясь вниз, старательно застучали каблуками по ступеням.

Постепенно вернулось зрение – полутёмный круглый зал с высоким потолком, неаккуратный громадный камин, пылающий посередине помещения, возле камина застыла невысокая фигура в мешковатой чёрной одежде. У высокого стрельчатого окошка смутно угадывался силуэт второго человека, сидящего за большим письменным столом и что-то увлечённо отмечавшего карандашом на большом листе белого ватмана. В зале главенствовала зыбкая тишина, нарушаемая только редкими выстрелами угольков в камине и странным глухим шипением.

«Похоже, что это какой-то очень старинный маяк, расположенный на морском берегу», – решил про себя Денис.

Человек в чёрном задумчиво поворошил кованной кочергой аметистовые угли в каминной топке, после чего, аккуратно поставив кочергу на специальную подставку, обернулся...

«Ну, и нечего особенного», – хмыкнул про себя Денис. – «Круглое добродушное лицо пожилого дядюшки-бюргера из заштатной немецкой провинции. Шрам на щеке? Да, мало ли что. Может, это его норовистая лошадка лягнула, когда он ей специальным гребешком расчёсывал густую длинную гриву. Или, к примеру, злой домашний белый гусь ущипнул несчаст-

ного дядюшку за щеку – во время насильственного предпраздничного кормления грецкими орехами...».

Борман был одет в мешковатые, явно старые чёрные мятые брюки и в чёрный ношенный флотский бушлат, застёгнутый на все пуговицы. На ногах всемогущего рейхсканцлера НСДАП красовались разношенные армейские ботинки, оснащённые почему-то белыми шёлковыми шнурками.

«Смотритель маяка» подошёл ближе, остановился, не дойдя несколько шагов, вскользя улыбнулся и, протянув руку, поприветствовал:

– Здравствуйте, сеньор Рамос.

Денис, торопливо вскочив с табурета, крепко пожал руку «доброго дядюшки».

– Хайль, партайгеноссе! – невольно вырвалось.

– Да полноте, вы же беспартийный, – ехидно усмехнулся Борман. – Я позавчера внимательно прочёл протоколы вашего допроса с применением детектора лжи.... Хвалю за правдивость! Такая искренность – по нынешним непростым временам – большая редкость. Именно это качество оказалось определяющим и решающим – при принятии непростого решения о вашем подключении к работам по возникшей проблеме.... Пройдёмте, поможете мне справиться с дичью. Герр Шумахер! – рейхсканцлер резко обернулся в сторону стрельчатого окна. – Сворачивайте все ваши чертежи, доставайте из шкафчика скатерть, столовые приборы, бутылки, фужеры. Перед началом серьёзных разговоров предлагаю слегка перекусить...

Следом за «дядюшкой» Денис подошёл к камину. Тут же обнаружился и источник странных звуков – над углями, мерцавшими всеми оттенками бордового, розового и сиреневого цветов, размещалась массивная чугунная подставка, в прорезях которой были закреплены три толстых стальных прута, на каждый из которых была насажена увесистая птичья тушка. Большие янтарные капли жира медленно стекали по птичьим бокам, покрытым приятной золотистой корочкой, и, соприкасаясь с жаркими углями камина, с громким шипением испарялись, наполняя помещение чудесными ароматами...

Борман осторожно, по очереди, потыкав в тушки острым длинным стилетом, удовлетворённо сообщил:

– Похоже, что всё уже готово. Это, видите ли, уважаемый сеньор Рамос, дикие утки. Сегодня на рассвете они ещё беззаботно жировали в местных прибрежных камышах. Лично застрелил, одним удачным дуплетом. Повезло, бывает.... Пенемюнде, к вашему сведению, это старинные и знаменитые охотничьи угодья. На протяжении нескольких последних веков немецкие аристократы, включая принцев и принцесс крови, регулярно наезжали в эти благословенные и чудные края – на утиную охоту. Вы, дон Оскар, уважаете утиную охоту?

– О, да!

– А, раз так, то берите это старинное блюдо и аккуратно сгружайте на него дичь.

Денис осторожно, один за другим, снял стальные прутья с чугунной подставки и – с помощью маленькой никелированной кочерги – «сгрузил» подрумяненных уток на большое фарфоровое блюдо, украшенное цветными рисунками – на тему утиной охоты, естественно.

– Перемещаемся к столу, перемещаемся! – нетерпеливо скомандовал рейхсканцлер, жадно сглатывая голодную слюну...

«Интересное и неслыханное дело», – рассуждал про себя Денис, не уставая удивляться сюрреализму происходящего: – «Два опытных русских диверсанта остались наедине с одним из руководителей фашистского Рейха.... Более того, с «тенью» самого Адольфа Гитлера. Ну, надо же! Может, придушить его, добродушную гниду, да и все дела? Нельзя, к сожалению. Сейчас для нас главное – уничтожить тайную подземную лабораторию, где обогащается урановая руда. Ничего, и до этого ушлого «дядюшки» дойдёт очередь. Обязательно дойдёт. Каждому овощу, как известно, своё время...».

Письменный стол уже был покрыт серой льняной скатертью. Третьяков, как и Денис, облачённый в строгий чёрный костюм-тройку, педантично расставлял по периметру стола овальные тарелки, высокие бокалы и пузатые стаканчики, раскладывал совершенно обыкновенные вилки и ножи.

– О, дон Оскар! – искренне обрадовался Гарик, водружая посередине стола две бутылки: пузатую чёрную – непрозрачную, покрытую лёгкими изысканными узорами нежно-голубой плесени, и другую – зелёную, высокую, наполненную подозрительной мутно-коричневой жидкостью. – А мы с партайгеноссе Борманом уже вкратце поговорили. Обсудили, так сказать, некоторые важные аспекты нашего общего дела...

– Вот, именно, что только вкратце, – мягко перебил Третьякова рейхсканцлер. – Успеем ещё поболтать о насущных делах и о некоторых профессиональных проблемах.... Дон Оскар, разложите, пожалуйста, уточек по тарелкам. Сейчас, господа мои, я вам покажу, как надо правильно разделявать водоплавающую дичь.

И показал, пользуясь большим острым тесаком и массивной серебряной двузубой вилкой. Ловко это у него получалось, надо признать: несколько скупых, выверенных движений, и, вот, уже утка расчленена на восемь составных частей, причём, золотистая кожа – аппетитной горкой – возвышалась отдельно, на краю тарелки.

Борман любезно поколдовал над всеми тремя тушками, после чего, сложив разделочный инструмент на сервировочный столик, стоящий чуть в стороне, скупое махнул короткой рукой, приглашая гостей к столу.

– Из какой бутылки прикажете налить, экселенц? – любезно поинтересовался Третьяков.

– Давайте-ка, герр Шумахер, налейте всем из чёрной, в те маленькие серебряные стаканчики.... Это, друзья мои, коньяк – страшно подумать, какой выдержки. Его, то есть, из других бутылок, стоявших в дубовом ящике рядом с этой, сам Наполеон Бонапарт потреблял – во время многолетнего заточения на суровом острове Святой Елены...

Гарик ловко разлил по предложенным ёмкостям благородную янтарную жидкость.

– Предлагаю выпить – за нашу победу! – рейхсканцлер, многозначительно подмигнув, чуть приподнял вверх серебряный стаканчик.

– За *нашу* победу! – хором поддержали его Денис и Третьяков.

Выпили. Коньяк был по-настоящему хорош – ароматный, очень мягкий, с ярко выраженным цветочно-медовым привкусом. А, вот, пернатая водоплавающая дичь вкусовыми качествами на Дениса особого впечатления не произвела – жестковатое тёмное мясо, немного пахнущее варёной рыбой, не более того.

«Надо было этих уток часов пять-шесть повымачивать в слегка подкисшем молоке. Или, на худой случай, минут сорок-пятьдесят подержать в самом обычном маринаде», – недовольно ворчал он про себя. – «А то, понимаешь, застрелил, и сразу же – на вертел. Впрочем, у немцев всегда с фантазией было достаточно напряжённо...».

Борман дочиста обглодал утиное бедро, негромко рыгнул, воспитанно прикрывая слюнявый рот розовой ладошкой, тщательно вытер белым хлопковым полотенцем жирные пальцы рук, после чего сообщил:

– Сеньор Рамос, я внимательно просмотрел ваши бумаги: геологические карты и планы, описание месторождений, расчёты величин запасов полезных ископаемых, подробные экономические выкладки.... Скажу одно. Весьма недурственно! Весьма.... Всё это очень и очень интересно: вольфрам, графит, железные руды, некоторые другие, достаточно интригующие вещи.... Но, зачем вы обо всём этом рассказываете мне? Формально, Шпицберген является свободной экономической зоной. Испания и сама может – при должном оформлении необходимых бумаг и, естественно, после успешного завершения нашей общей войны – заняться разработкой всех этих богатых месторождений.... Не так ли?

– Извините, но я полностью не согласен с вами, экселенц, – тут же откликнулся Денис. – Испания не располагает необходимыми людскими и финансовыми ресурсами. Только в плотном и всестороннем взаимодействии с Великой Германией мы, испанцы, видим наше Будущее. Тесное взаимодействие – по всем фронтам – вот, надёжный залог нашего грядущего общего успеха.

Рейхсканцлер понимающе усмехнулся:

– Вчера вечером я уже слышал эти слова. От вашего патрона. То есть, от уважаемого генералиссимуса Франко, с которым имел честь разговаривать по телефону...

Внутренне Денис напрягся и заледенел, стараясь – изо всех сил – внешне выглядеть максимально беззаботно, улыбаясь лучезарно и приветливо.

Борман, сделав маленький глоток коньяка из серебряного стаканчика, на пару секунд довольно прикрыл глаза, жадно облизал тонкие губы и непринуждённо продолжил:

– Да-да, уважаемый дон Франсиско именно так мне всё и объяснил.... Что же, в этих умозаклчениях есть здоровое зерно и стройная логика. Думаю, что в самом скором времени мы обсудим предложенные вами проекты более подробно, с привлечением учёных-экспертов и опытных экономистов.... Кстати, генерал Франко очень тепло отзывался и о вас лично, дон Оскар. В частности, о ваших профессиональных качествах и недюжинных разносторонних талантах. И даже любезно согласился, чтобы вы приняли участие в некоторых важных геологических изысканиях, проводимых нашими специалистами на балтийском острове Узедом. Правда, выделил на это всего две недели. Собирается, видите ли, отозвать вас обратно, в Испанию...

«Что ещё за бред горячечный?», – искренне недоумевал Денис. – «Как мог генералиссимус Франко, с которым я не знаком, тепло отзываться о моих профессиональных качествах и недюжинных талантах? Что значит: – «Выделил на это всего две недели»? А, вот, ещё характерный перл, мол: – «Собирается отозвать вас обратно, в Испанию»? Может, обычная пошлая провокация? Непохоже. Нет, надо завтра срочно связываться с Москвой, запросить разумные объяснения и чёткие инструкции....».

Судя по удивлённым круглым глазам Третьякова, он также ничего не понимал. Более того, был не на шутку встревожен.

Борман, вяло покусав тощее утиное крылышко, предложил:

– А теперь давайте-ка попробуем напиток из второй бутылки. Ну-ка, талантливый сеньор Оскар, откройте пробку, понюхайте.... Что это такое, как вы думаете?

Денис, сильно упираясь пальцами, с трудом выдавил пробку из узкого горлышка бутылки, старательно принюхался и – через пятнадцать-двадцать секунд – сознался:

– Знаете, экселенц, честно говоря, я теряюсь в догадках. И характерный пивной аромат, без сомненья, присутствует, и фруктовой неочищенной водкой, определённо, пахнет...

– Браво, браво! – рейхсканцлер несколько раз вяло похлопал одной пухлой ладошкой о другую. – Это не что иное, как классический немецкий пивной шнапс, мой любимый напиток. Знаете, как он изготавливается? Не знаете? Хорошо, коротко расскажу.... На первом этапе процесса берётся выдержанное светлое пиво и заливается в обычный перегонный аппарат. Вот, именно, в обыкновенный самогонный аппарат! Пиво тщательно перегоняется, получается крепкая пивная самогонка. А потом этой самогонкой укрепляют обычное свежее пиво, каждый – на свой вкус.... В данной бутылке содержится «золотая» немецкая классика: литр пивного самогона двойной перегонки и литр светлого баварского пива. Разливайте, сеньор Рамос, вон в те высокие бокалы. Смело лейте!

Опытный рейхсканцлер предсказуемо оказался прав, всё содержимое зелёной бутылки – тютелька в тютельку – поместилось в рекомендованных бокалах.

– Пить данный напиток надо только крупными глотками, желательно – до половины за один раз, – скупно пояснил Борман. – Ну, за нашу победу...

Вкус пивного шнапса показался Денису знакомым, то бишь, явственно напоминал о существовании русского народного напитка под ёмким названием – «ёрш». Разве что – в данном конкретном случае – вкусовые рецепторы явственно ощущали некую приятную «бархатинку». Он поставил наполовину опустевший бокал на стол и немного расслабился – в голове приятно зашумело, внезапно-проснувшийся аппетит выражал настойчивое желание ещё раз отведать тёмного мяса дикой утки, вкус которого представлялся уже почти приятным...

По лестнице звонко застучали торопливые шаги, и в зал вбежал один из «кожаных плащей».

– Партайгеноссе! – как резанный завопил охранник. – Английские бомбардировщики прорвались! Восемь штук наши зенитчики сбили, а два – прорвались через грозу! Летят прямо сюда! Видимо, прав был штурмбанфюрер Шульц, кругом вражеские агенты, кругом...

Рейхсканцлер неожиданно побледнел и несолидно засуетился:

– Извините, дорогие друзья, но мне надо срочно спуститься в подземное укрытие. Я не могу позволить себе – погибнуть в такое трудное для Великого Рейха время. Фюреру без меня будет очень тяжело.... Извините, ещё раз!

Борман, невежливо отодвинув Третьякова в сторону, устремился к лестнице.

– И вам, господа, я настоятельно рекомендую спуститься вниз, – обратился к Денису и Гарику «чёрный плащ». – Скорее всего, именно этот маяк и является конечной целью подлых англичан. Больно уж целенаправленно идут, собаки бешеные. Строго по прямой...

Денис спускался следом за Третьяковым, перед которым маячила широкая чёрная спина телохранителя Бормана. В нижнем холле маяка охранник, резко остановившись, заявил:

– Извините, господа, но вас я не могу пропустить в подземное укрытие. Должностные инструкции строго запрещают.

Рейхсканцлер – тем временем – уже скрылся за массивной железной дверью. Судя по звуку его шагов, там была оборудована ещё одна лестница, ведущая глубоко под землю.

– И, куда нам теперь? – недоумённо спросил Третьяков.

«Чёрный плащ» равнодушно пожал кожаными плечами:

– Не знаю, честное слово. Попробуйте спрятаться где-нибудь снаружи, только от маяка отойдите подальше. Там, возле морского берега, имеется небольшой сосновый лесок, песчаные дюны...

За дверью старого маяка стоял-властвовал тихий июньский вечер. Тускло-жёлтое солнце робко выглядывало из-за пухлых сиреневых туч, обещавших весёлый летний ливень. Над светло-серой песчаной косой – чёрными быстрыми молниями – мелькали шустрые стрижи. На море установился полный и безграничный штиль. Тёмная вода – огромным нескончаемым зеркалом – разлилась до самого горизонта...

– Чёрт, скоро начнётся нешуточная гроза, могли – хотя бы – выделить по паршивому плащу. Вот же, жадные морды, засранцы натуральные! – всерьёз обиделся Гарик. – Если под английскими бомбами не умрём, так до последней нитки промокнем под дождём. Всё, как и всегда. Не понос, так золотуха....

Денис, слегка хлопнув Третьякова по плечу, посоветовал:

– Кончай, любезный Фриц, ерундой заниматься. Надо быстро спрятаться куда-нибудь. В любой момент – из подозрительных сиреневых туч – могут вынырнуть английские бомбардировщики. С ними долго не поговоришь, мокрого места не останется...

Они, не тратя времени на пустые разговоры, побежали в сторону ближайшего соснового леса, видневшегося в полукилометре на севере, за низкими серо-жёлтыми дюнами. Когда до спасительных деревьев оставалось метров тридцать-сорок, над головами угрожающе и зловеще загудело.

Добежав до леса, Денис крепко ухватился руками за тёплый ствол высокой сосны и задрал голову вверх – два тёмно-тёмно-зелёных самолёта грузно заходили со стороны моря, оставляя мрачные сиреневые тучи чуть в стороне.

– Вот же, блин горелый! – Третьяков нервно перешёл на язык родных рязанских берёзок. – А, как же хваленые немецкие асы? Где эти непроходимые и надёжные кольца Генриха Геринга? Бардак полнейший! Нет, надо же! Столько дешёвого трёпа, а как доходит до дела, так только полный и стыдливый «пшик». Я – на месте Адольфа Гитлера – вешал бы всех этих хвастунов на Центральной площади Берлина. Причём, сугубо за интимные места...

Денис, ловко упав в невысокие кусты вереска, сильно дёрнул Гарика за брючину и велел – злым «командирским» голосом:

– Капитан Третьяков, немедленно замаскироваться! Перейти на немецкий язык! На гауптвахте – при первом же удобном случае – сгною! Твою мать.

– Я воль, герр майор! – падая на землю, пообещал Гарик. – Просто обидно стало.... Как пивной шнапс жрать под дикую утятину, так все равны. А, как прятаться от английских бомб, так пожалуйста на улицу, ибо мордой и экстерьером не вышли.... Вот же, лицемерные уроды! Ничего, сейчас английские джентльмены подбросят красного молотого перца – под ваши трусливые хвосты...

– Ну, и что, собственно, не устраивает? – удивился Сергей.

– Всё! – изобразив на физиономии гримасу безразличного отвращения, заверил Конкин. – Для кого написана эта глава?

– Для людей, конечно.

– Какие, Хрусталёв, люди, в конскую задницу? Ты, морда, пишешь для читателей! Сиречь, для конкретных потребителей, имеющих чёткие и однозначные предпочтения.... Так, вот. Потребителей, читающих авантюрно-приключенческую литературу в «бумажном» виде, не интересуют ни подробные историко-географические очерки, ни кулинарные рецепты, ни гнилые философские изыскания. Для всего этого существует профильная литература. Понимаешь?

– Нет, не понимаю, – набычился Хрусталёв. – Я к людям привык относиться с уважением. Зачем же их приравнять к односторонним недоумкам и причислять под единую гребёнку? Кстати, а что – по твоему авторитетному мнению – интересует современного читателя-потребителя авантюрных романов?

– Погони, драки, преследования, схватки, поиски, трупы, сексуальные сцены, убийства.... Короче говоря, высочайшая динамика процесса. Больше ничего. Всё должно быть непритязательно, доходчиво и просто. Как говорится, вперёд и вверх. За разлапистыми орденами и громкой славой, не ведая сомнений...

– А, размышления о смысле жизни? А, жаркие споры – возле дружеского походного костра? Муки жгучей ревности, в конце-то концов?

– Дурак ты, Хрусталёв, – поморщился Конкин. – Почему твои разведчики не замочили Бормана?

– Им надо было получить пропуска в тайную подземную лабораторию, где фашисты обогащали урановую руду.

– Молчи лучше. Молчи.... Да, не получилось из тебя писателя...

Шестой параграф. Ретроспектива 03. Глухие кайманы

Помолчав с минуту, Хрусталёв – сугубо для очистки совести – решил немного поспорить.

– В этом романе насчитывается двадцать пять глав, – заявил он. – И только одна глава, посвящённая встрече с Мартином Борманом, является относительно-спокойной и неторопливой.

– Ни одной быть не должно! Динамика, она не терпит перерывов. Даже кратких.

– А Бормана – в самом конце книги, уже в 1955-ом году – ребята, всё же, убьют. Взорвут – к чёртовой матери. В Аргентине.

– Это пошло, – подключился к разговору Крыленко.

– Что – пошло?

– То, что Бормана взорвут в 1955-ом году, причём, именно в Аргентине. Стереотип такой, давно затасканный и всем известный.

– Конечно, известный, – согласился Хрусталёв. – Потому, что это – чистая правда.

– Что – правда?

– Всё. Несколько лет тому назад, в Буэнос-Айресе, уважаемый и донельзя правдивый сеньор Аугусто Романо-и-Гарсия, родившийся в 1930-ом году в почтенной семье русских эмигрантов первой волны, целый вечер рассказывал мне о сказочной бело-голубой стране под гордым названием – «Аргентина». Отдельный раздел этого увлекательного и цветастого повествования был посвящён далёкому 1955-му году. Именно тогда свергли классического диктатора Перрона, а ещё через месяц после этого знаменательного события – в Аргентине и Парагвае – неизвестные диверсанты уничтожили нескольких высокопоставленных наци, сбежавших в 1945-46-ом годах из поверженной фашисткой Германии в страны Южной Америки. Дон Аугусто уверял, что лично видел, как по центральной улице одного провинциального аргентинского городка проносили закрытый гроб с останками Мартина Бормана. Закрытый, потому что бывший рейхсканцлер НСДАП был подло взорван русскими шпионами – в доме собственной любовницы – с применением целой тонны динамита...

– Это ровным счётом ничего не меняет, – небрежно и вальяжно отмахнулся Крыленко. – Всё равно, пошлый и глупый стереотип.

– Разве правда может быть глупым стереотипом?

– Может. По крайней мере, в голове у читателя, который пройдёт мимо книжной полки, не побеспокоив кошелька.... А ещё мне очень не понравились эти серые глухие кайманы.... Дай-ка, Гена, текст. Ага, нашёл. Зачитываю...

Переночевал он относительно спокойно – под разлапистым кустом, смутно напоминавшим банан. Разбил походный лагерь. Пока совсем не стемнело, решил немного порыбачить. Мол, когда ещё доведётся половить рыбки в самой настоящей тропической реке? Достал из рюкзачного кармана классическую донку, насадил на крючок № 12 большую и шуструю цветную лягушку – ту, что первой подвернулась под руку. Помня о наставлениях Креста – относительно местных ядовитых тварей – Денис предварительно надел на ладони толстые брезентовые рукавицы. Закрепив наживку на крючке, он старательно раскрутил снасть над головой, забросил её в воды Уны метров на тридцать пять, а свой конец лески крепко привязал к неизвестному приземистому кусту, нависавшему над берегом уже дремлющей реки.

Через полчаса куст отчаянно задёргался, словно бы собираясь вырваться из земли на свободу и убежать в неведомую даль.

Понимая, что клюнуло что-то по-настоящему серьёзное, Денис торопливо натянул на ладони всё те же плотные брезентовые рукавицы: любой мало-мальски опытный рыбак пре-

красно знает, что рыболовная леска, на конце которой «сидит» крупная рыбина, может порезать руки ничуть не хуже, чем острая бритва...

Минут через восемь – после отчаянной и бескомпромиссной борьбы – он вытащил на пологий речной берег тридцатикилограммового сома. Натурального сома, только с очень длинными и толстыми многоярусными усами и крупными жёлто-оранжевыми пятнами на боках.

Или же эти пятна просто так выглядели – в черноте тропической ночи и в отблесках яркого походного костра? Как бы там ни было, но пойманная рыба и на вкус оказалась сомом. Обычным сомом, запечённым в обычных углях обычного, уже остывающего тропического костра...

Утром Денис отправился в путь очень рано. Ещё и семи часов не было, краёшек оранжевого солнца только чуть-чуть выглядывал из-за неровной кромки сельвы. Над тёмными водами Уны – отдельными замысловатыми гиперболами и параболами – поднималась призрачная молочно-белая дымка. На востоке разливалось розово-алое полотнище молодой тропической зари. В густых прибрежных зарослях – о чём-то тревожном и важном – громко кричали беспокойные разноцветные попугаи.

Примерно через полтора часа берега реки широко раздвинулись в стороны. Узкая пирога, подчиняясь размеренным гребкам, мягко вплыла в заросли розовых корзинок лотоса. Он внимательно оглянулся по сторонам, высматривая кровожадных кайманов.

Бурые воды разлива Уны были обманчиво спокойны, только возле тонкой и длинной полоски розово-лиловых камышей – во все стороны – расходились широкие круги. Это жировала местная рыба, слегка напоминавшая зеркального карпа.

Ещё когда они плавали по разливу Грязнухи, Денис успел, между делом, отловить пару достойных экземпляров – характерная серебристая чешуя, только плавники рыбин были очень крупными и ярко-жёлтыми. Крест потом, на очередной стоянке, из этой добычи приготовил шикарнейшее и вкуснейшее «рыбное асадо».

Судя по громким всплескам, «карпы» в разливе Уны вырастали до весьма приличных размеров.

Неожиданно перед носом пироги всплыло толстое полутораметровое бревно – слегка зеленоватое от старости, с голубыми наростами игольчатой плесени.

«Бревно? Разве у брёвен бывают такие янтарно-оранжевые, однозначно-хищные глаза? Очень маловероятно», – осторожно высказался подозрительный внутренний голос.

«Да, это же он и есть, хваленый глухой кайман!» – опомнился Денис и усиленно заработал широким веслом, направляя пирогу к ближайшему берегу, смутно видневшемуся сквозь загадочную туманную дымку.

Вдруг, ход лодки резко замедлился – это наглый и шустрый кайман, крепко ухватившись острыми зубами за корму пироги, буквально-таки повис на ней.

Денис – в десятые доли секунды – выхватил из «подмышечной» кобуры браунинг и несколько раз выстрелил, целясь противному холонокровному существу в наглый оранжевый глаз. По словам Мари, у глухих кайманов было всего два уязвимых места: брюхо, покрытое тонкой и бледной кожей, и глаза – маленькие, янтарно-радужные, недобро мерцавшие, практически-волчьи...

Попал, конечно же. Учили когда-то.... Кайман «отвалился» в коричневую воду, зажав в кривых жёлтых зубах большой кусок древесины, безжалостно вырванный из тела лодки.

«Вот же, сука злая!», – возмутился про себя Денис и выпустил вслед неожиданному мародёру ещё несколько пуль.

Запихав пистолет обратно в кобуру, он оглянулся, чувствуя, как по всему телу мягко перекатилась волна ледяного озноба.

Со всех сторон к пироге быстро и целенаправленно подплывало с десятков других зеленых «бревнышек», густо утыканных – вдоль комля – короткими темно-синими и фиолетовыми иголками. Денис, уже ни на что не отвлекаясь, изо всех сил заработал веслом...

Когда до низкого каменистого берега оставалось проплыть метра два с половиной, пирога окончательно «встала». Сделав последний мощный гребок, он соскочил в воду, не оборачиваясь, по колено в воде, добрёл до носа лодки и, крепко ухватившись, потянул её к берегу.

С трудом преодолев сопротивление кровожадного противника, Денис вытащил пирогу на мелкую чёрную гальку косы и протянул плавсредство вперёд – на сколько хватило сил. Упал рядом с лодкой, пытаясь привести дыхание в норму. Руки неприлично дрожали, по спине ползли частые капельки холодного пота.

Сзади раздавались громкие всплески, это мускулистые хвосты глухих голодных кайманов – в бессильной злобе – отчаянно колотили по темно-бурым водам разлива заштатной парагвайской реки Уны...

«Да, это достойный и опасный противник», – признал Денис. – «Здесь не стоит ждать лёгкой победы...».

Перекурив, он сильным щелчком отправил окурочек сигареты в сторону, поднялся на ноги и подошёл ближе к кромке воды.

Увиденное откровенно не вдохновляло – в непосредственной близости от берега плавали многие сотни светло-зелёных кайманов, воинственно ошетилившихся короткими сине-фиолетовыми иглами. Мерзкие твари – время от времени – рассерженно пофыркивали, от чего во все стороны бодро разлетались темно-кофейные брызги.

Но главная неприятность заключалась в другом – воинственные кайманы «разорвали» корму пироги в клочья, ящики с гранатами и тротилом бесследно исчезли. Видимо, утонули. Это усложняло всё до полной невозможности, из Винчестера (путём меткого попадания в глаз), всех кайманов было не уничтожить. По крайней мере, в течение ближайших десяти лет.... Хотя, применение взрывчатки в местности, где бродят хладнокровные убийцы в пробковых шлемах, говорящие на немецком языке, тоже было делом опасным – на грохот взрывов могли незамедлительно нагрянуть незваные и очень недружелюбные гости.

Неожиданно раздался глухой хлопок, и над разливом Уны взвилась в небо яркая зелёная ракета. Она зависла на несколько секунд на одном месте, после чего резво пошла вниз, разделившись – при этом – на две красные.

«Очевидно, Мартина где-то совсем рядом», – понял Денис. – «Услышала близкие выстрелы, теперь, вот, пытается выяснить, кто это бродит поблизости. Мол, злые и коварные враги? Или же верные и добрые друзья?».

Он достал из рюкзака ракетницу, вскинул её вверх и нажал на спусковой крючок. Ответная ракета – с весёлым свистом – улетела в голубое бездонное небо...

Денис – за час с небольшим – обошёл стороной широкую полукруглую бухту, сильно заросшую буро-лиловыми водорослями и белыми гигантскими кувшинками.

Он, с помощью острого мачете и недюжинного упрямства, пробился через плотную стену зелёного камыша и вышел на слегка заболоченный берег разлива реки.

Овальная остров, на краюшке которого неподвижно застыл бесхвостый гидроплан, находился от него примерно в двухстах метрах, на фоне самолёта виднелась стройная светлая фигурка, приветливо машущая рукой.

Денис, помахав в ответ, громко закричал:

– Марта!

– Арта-арта-арта..., – тут же откликнулось звонкое тропическое эхо.

– Я, я, я, я..., – прилетел ожидаемый ответ.

Вот, долгожданная пропаша, с Божьей помощью, и отыскалась.... Только теперь возникал актуальный и животрепещущий вопрос: – «Что делать дальше?».

Вопрос был совершенно несправедливым, бессчётное количество глухих кайманов заполняло собой всё пространство между берегом и островом. Одни из них мирно дремали, высунув на поверхность воды длинные заострённые морды. Другие же, наоборот, безостановочно нарезали – между разноцветными розетками лотосов и кувшинок – изысканные петли и восьмёрки.

Он достал из кармана куртки заветный базальтовый свисток и, предварительно набрав полную грудь воздуха, дунул в него изо всех сил. Результат оказался нулевым, отвязанные кайманы на «шипение» никак не отреагировали.

«Очень похоже, что они, и в правду, полностью глухие», – огорчился нервный внутренний голос. – «Что, пришла пора рвать волосы на голове и впадать в полную и безысходную фрустрацию? А, если попробовать по-другому?».

Денис разделся до трусов и метра на полтора-два вошёл в бурые воды озера. Глубина здесь была уже выше колен, а до ближайшего зеленоватого каймана, посматривающего на него с плотоядным интересом, оставалось метров восемь-девять.

– Эх, где наша не пропадала! – Денис крепко зажал свисток зубами, нагнулся, зажмурил глаза и, погрузив голову в воду, сильно дунул. Пузырьки воздуха с громким бульканьем бойко устремились к поверхности...

Он резко выпрямился и распахнул глаза, ожидая увидеть рядом с собой кровожадный оскал холоднокровного хищника.

– Пронесло. Бог миловал, – успокоился Денис.

Более того, ближайшие к нему кайманы отплыли на несколько метров в сторону.

– Неужели? А, ну-ка, ещё раз! – сделав ещё несколько коротких шагов по илистому дну водоёма, Денис погрузился в воду уже по грудь, немного присел – так, чтобы рот и нос оказались под водой, снова сильно дунул в свисток, выпрямился.

– Действует, чёрт побери!

Кайманы, недовольно пофыркивая, снова немного отплыли. Павлианы, правда, в аналогичной ситуации улепётывали без оглядки, а эти только отплывали на несколько метров и останавливались, не собираясь безоглядно давать дёру. Но, всё жё, хоть что-то...

«А, вдруг, это они тебя просто заманивают?» – глумливо зашелестел в голове вредный внутренний голос. – «Вдруг, просто притворяются? Ты сейчас поплывёшь, как последний слюнявый идиот, тут они на тебя и набросятся – всей нехилой стаей. Как – прыгнут! Как – порвут на мелкие кусочки! То-то смеху будет...».

Послав внутренний голос далеко и надолго, Денис смело поплыл по направлению к острову. Поплыл ленивым и неторопливым кролем, сильно выдыхая воздух в воду – через базальтовый свисток – после каждого второго гребка. Чувствовалось, что кровожадные кайманы где-то рядом, окружили со всех сторон, образовав круг чистой воды с диаметром метров в десять-двенадцать.

Он размеренно плыл, стараясь ни о чём не думать. Время тянулось медленно и вязко, словно молочно-фруктовая ириска из далёкого босоногого детства...

Неожиданно ноги коснулись твёрдого дна, Денис торопливо выбрался на песчаный берег.

– Здорово это у вас получилось! – сообщил восторженный девичий голос. – Прямо, как в крутых американских боевиках!

Денис поднял голову и понял, что попал в беду. В Беду безысходную и неотвратимую, в ту, которая – «с большой буквы».

Сердце провалилось в холодную бездонную пропасть. Мир изменился и засверкал новыми, абсолютно неизвестными красками. В душе Дениса, заledenевшей после смерти Татьяны, закапала звонкая весенняя капель...

Девчонка, стоящая в трёх метрах от него, казалось бы, совсем не походила на прекрасную Небесную Принцессу: худенькая, невысокая – метр шестьдесят с кепкой, короткие рас-

трёпанные светлы волосы, когда-то голубая футболка, покрытая буро-серыми пятнами во всех местах, заправленная в такие же грязные штаны непонятного цвета.

Босая, чумазая, милая.

А глаза – огромные, тёмно-зелёные, пронзительные.

Как бы там ни было, но его израненное сердце плавилось, истекая горячими каплями неизвестного металла, а душа тихонько звенела – в предчувствии чего-то светлого и...

И? Наверное, печального – до полной и нескончаемой бесконечности...

– Разве в этой главе отсутствует должная динамика? – удивился Хрусталёв.

– Так, средненький уровень, – скривился Крыленко. – Можно было и покруче завернуть. Например, пятиминутная жаркая рукопашная схватка с голодным кайманом. Меткий удар ножом, распоротое крокодилье брюхо, серые холодные кишки – на жёлтом тёплом песочке. Над кишками поднимается сизый пар. Откушенные пальцы Главного героя. Например, на левой руке. Ну, и тому подобное...

– В конце главы – мелодрамой пахнуло?

– В меру.

– Что же тогда не нравится?

– Глухие серые кайманы. Я, братец, намерен «залез» в Интернет и уже через десять минут установил, что животные – с таким дурацким названием – в парагвайских реках не водятся. Если я этот вопрос прояснил с лёгкостью, то и дотошные читатели прояснят...

– Ерунда какая-то! – возмутился Хрусталёв. – Это же – фантастический роман!

– Ну, и что из того? Да, наш современник – по тексту – «переместился» в неверный 1937-ой год и успешно «продержался» вплоть до 1955-го года. Но, всё равно, интерьеры тех Времён должны быть выписаны с максимальной достоверностью и дотошностью. Суть романа, понятное дело, фантастическая. А интерьеры должны быть настоящими. Из серии – так оно всё и было.... Убирай этих дурацких глухих кайманов! Причём, вместе с Борманом...

Сергей, свернув на Бухарестскую улицу, направился к своему дому. Он размеренно шагал и тихонько бормотал под нос:

– Суки гниlostные и хитрые. Решили, понимаешь, придраться, оскорбить и разорвать все творческие отношения. А, следовательно, и финансовые.... Ничего, очень скоро, ребятки, вам придётся – в обязательном порядке – познакомиться с глухими серыми кайманами. Придётся, не обессудьте. Сами, что называется, нарвались. Да и с приснопамятным Мартином Борманом – запросто – можете повстречаться. Чистую правду обзывать – «пошлыми стереотипами»? Ну, знаете ли! Это уже переходит все границы разумного. Дурилки самодовольные и тупые, короче говоря...

Глава вторая

Издательство «Астра». Мэтр

Да, тяжела она, слава мирская. Ох, тяжела и коварна. Отрывает от реальности, сознание мутит, нюха лишает. Не всегда, конечно. Но, ей-ей, частенько....

Живёшь себе, живёшь. Никого особо и не трогаешь. Так, лишь пожинаешь сладкие плоды широкой известности. И, вдруг...

Вдруг, выясняется, что все окружающие – почти поголовно – считают тебя зазнавшимся жлобом, жадной сукой и самовлюблённой тварью.

Обидно? Ещё как!

Впрочем, Бог им всем судья. Это чёрная зависть в них, в подлых и низких людишках, говорит. Вернее, клокочет. Не более того...

Первый параграф. Немецкий знакомец

Настроение у Сани Мазура было отменным. Как же, только что сплавил – на две полноценные недели – драгоценнейшую жёнушку. Типа – отправил на итальянский навороченный курорт.

«Отдыхай, родная!», – подходя к машине, припаркованной на стоянке «Пулково-2», мысленно ухмыльнулся Мазур. – «Купайся, загорай, отсыпайся, развлекайся. Съезди на экскурсии в Рим и во Флоренцию. Венецию, обязательно, не забудь посетить.... И я от тебя, зараза приставучая, немного отдохну. В том плане, что оторвусь по полной и развёрнутой программе. Со старинными приятелями в баньку схожу. Пивка попью от пуза. Ну, и по женскому прекрасному полу – малость порезвлюсь. Может быть, если времени и здоровья хватит.... Нет, правы, всё же, мудрые психологи, специализирующиеся на семейных отношениях. Мол, супруги – время от времени, и для укрепления семейного климата – должны отдыхать друг от друга. Причём, полноценно....

– Пи-ю-ю! – послушно реагируя на нажатие кнопки пульта, приветливо пикинула машина.

– Соскучилась? Сейчас, ласточка японская, поедом, – задумчиво проведя ладонью по «ежику» коротко-стриженных седых волос, нежно прошептал Санька, а про себя подумал: – «Надо срочно менять машину. Пятилетняя «Мазда» – не лучший вариант для мэтра отечественной фантастической литературы. Имиджу не соответствует, да и престиж не тот.... А ещё сегодня надо – в обязательном порядке – посетить парикмахерскую и косметический салон. Причёску подправить, на ногтях навести лёгкий мужской маникюр. На вечер запланирована презентация моего нового бестселлера.... Говорят, что пропали – бесследно – Витька Крыленко и Генка Конкин. Туда им, мордам бесстыжим, и дорога. Перспективных авторов не будут переманивать. Да и на затоваренном книжном рынке будет гораздо просторнее. Глядишь, и продажи пойдут веселее...».

Зазвонил мобильный телефон.

– Слушаю, – сварливо пробурчал в трубку Мазур. – Говорите. Только коротко и сжато. Я очень занят.

– Александр? – робко спросил хриплый фальцет, в котором легко угадывался приятный иностранный акцент. – Это есть ты?

– Я, я! Александр Александрович Мазур. С кем имею честь?

– Томас Мюллер. Ты есть помнить меня?

– Конечно, помню, – сбавляя обороты, заверил Санька. – Причём, очень хорошо. Как твои дела, коллега?

С Мюллером они познакомились в Гамбурге, где полтора года назад проходил какой-то очередной семинар европейских писателей-фантастов. Познакомились, выпили хорошего ирландского виски, немного поболтали о всякой всячине.

Томас тоже числился писателем. Конечно, не таким крутым и известным, как Мазур, но, всё же, и не последним в своей богатой и зажиточной Германии. Кроме того, Мюллер был плотно связан по работе со многими крупными европейскими издательствами, и даже прозрачно намекнул, что готов – за скромный и приемлемый процент – оказать эффективные агентские услуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.